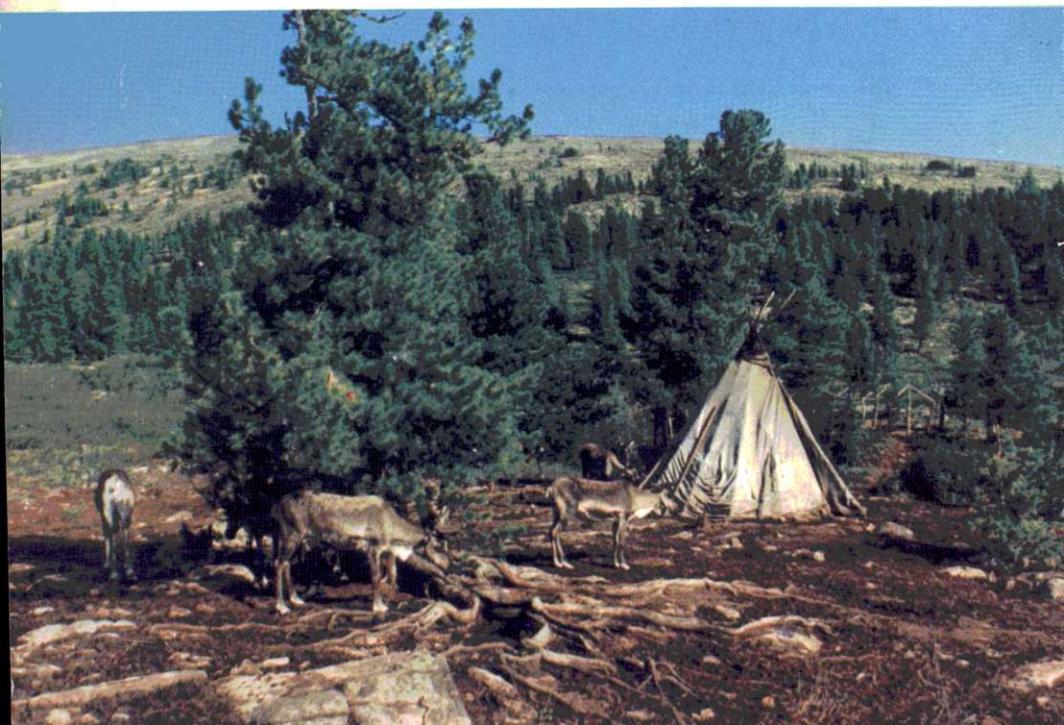


4
1998



ТАЛЫЦЫ





СНИЖ



Тальцы • 2(4) • 98

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Восстания туземцев Севера в советские годы	3
В.Н.Скалон О былой жизни эвенков в доенисейской Сибири	7
И.Т.Удыгир Эвенки рода вилюйских удыгиров	17
В.И.Тарасов Тунгусские казаки на Забайкальской границе	22

ЭТНОГРАФИЯ

Т.Н.Гагина Эвенки с реки Куты (верховья Лены)	26
С.А.Гурулев Таежные встречи с чильчагирами	35
А.А.Павлов Охотники-оленоводы верховьев Нижней Тунгуски	44

ТОПОНИМИКА

С.А.Гурулев Чикольтоджек — Срамная	48
---	----

У НАС В ГОСТЯХ

Г.С.Мартынова, А.Ф.Покровская Музей-заповедник «Томская писаница»	51
--	----

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Декларация о национальном возрождении эвенков Севера, Сибири и Дальнего Востока	54
---	----

ХРОНИКА

НОВЫЕ КНИГИ

НАША ИСТОРИЯ И ЖИЗНЬ

В.В.Тихонов Эвенкийские стойбища музея «Тальцы»	59
--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

И.Г.Гольдберг Николай Креститель	63
А.Немтушкин Стихи	67
В.Лоргоктоев Стихи	68

НА ДОСУГЕ

Эвенкийские народные игры	71
Этнографические головоломки	72

007

Государственное бюджетное
учреждение культуры
Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И.И. Модманова-Сибирского

ИНФОРМАЦИОННО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОТДЕЛ
Погоджено

Учредитель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2, тел. 33-47-05

Языки издания: русский, бурятский, эвенкийский, английский.

Редакционная коллегия: Р. В. Агапитова, О. В. Бычков, С. А. Гурулев
(секретарь), Е. Г. Манушкина, А. К. Нефедьева, Е. В. Петрова,
В. В. Тихонов (главный редактор)

Ответственный редактор номера: С. А. Гурулев

Фотографы: И.Ю.Бержинский, В.Е. Гуляев, В.В. Тихонов

Консультанты:

по английскому языку — В. И. Федин,

по эвенкийскому языку — И.Т. Удыгир

Компьютерный набор: Т. В. Михайлова, С.А. Гурулев

Корректор: Т. В. Михайлова

Оригинал-макет: С.Е.Макаров

Свидетельство о регистрации № **И — 0236** от 21 декабря 1995 г.,
выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и
массовой информации

© Перепечатка с разрешения редакции

На 1 стр. обложки — должностные знаки инородческих (тунгусских)
старшин, их помощников и судей, выдававшиеся губернской админист-
рацией с 1822 по 1916 г. (из частной коллекции А.И. Фенина, г. Иркутск);
на 2 стр. — вверху — красные тряпочки в ушах теленка «Аная» — родовые
метки-обереги, внизу — летнее стойбище эвенков на Подкаменной Тун-
гуске; на 3 стр. — воин тунгусского пятисотенного полка и тунгусский
десятник на забайкальской границе, XVIIIв.; на 4 стр. — изображения птиц
у чума эвенкийского шамана в музее «Верхняя Березовка» (г. Улан-Удэ).

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2, тел. 33-47-05

Журнал набран, отредактирован и откорректирован на оборудова-
нии музея «Тальцы», приобретенном на средства, выданные фондом
Сороса под проект «Техническое обеспечение издания журнала
«Тальцы» (грант № А1С715).

Сдано в набор 04.08.98 г. Подписано в печать 25.09.98 г. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 4,5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано 475 ВКФ ЗабВО. Заказ №



Сов. Секретно
 СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ,
 тов. КАГАНОВИЧУ,
 тов. ПОСТЫШЕВУ.

Вопросы работы среди народов Советского Севера находятся вне поля зрения краевых партийных и советских органов. В результате такого положения имеют место совершенно нетерпимые извращения партийной линии в политическом и хозяйственном строительстве среди северных народностей. Наиболее ярким выражением этого являются извращения партийной линии в работе среди туземцев Таймырского округа Восточно-Сибирского края, в котором непосредственно виноваты как окружные, так и краевые организации. Эти извращения привели к восстанию 3 кочевых ненецких родов Авамской тундры, Таймырского округа, к которым присоединились отдельные туземцы других районов.

По последним сведениям Комитета севера, восставшими в конце апреля мес. т\г.** туземцами убито 20 ч. работников, из них 14 партийцев как — зав. агитпроп и зав. орг. Окружкома ВКП(б), партийный организатор Хатанчского*** района, директор оленеводсовхоза и т.д. Восстанием руководил известный на этом севере, шаман Вархатов и двое местных кулаков.

Конкретно, эти грубейшие политические ошибки по материалам Комитета Севера, заключаются:

Во-первых: В преувеличенных планах заготовок оленей. В 1931 г. план олене-заготовок был принят в 46.000 г., из всего стада в 169.000 оленей по всему В.С. краю. В Таймырском округе из поголовья в 39.000 г. было заготовлено 15.000 голов оленей. Причем заготовленное поголовье самым преступным образом разбазаривалось и погибало.

Эти преувеличенные планы проводились политически вредными и преступными методами заготовок. Применялись твердые задания и принудительные изъятия по отношению ко всей туземной массе, без социального различия. Оплата производилась долговыми обязательствами через выпуск специальных векселей Оленеводтреста, сроком до 1937 г. и принудительным размещением облигаций госзайма. При-

* Материалы журналу любезно предоставила народная артистка России, лауреат музыкального конкурса имени М.И.Глинки Лариса Петровна Сахьянова, за что редколлегия сердечно ее благодарит. Выражаем также признательность М.А. Шаргаеву за активное содействие в оценке представленных материалов. Документ печатается с сохранением орфографии и пунктуации.

** Того года.

*** Хатанчского.

чем вся масса выпущенных векселей, вслед за заготовками отобраны в порядке так называемого «культсбора». Таким образом олени заготовки в 1930–31 г. и 1931–1932 г. превратились по существу в самую безобразную реквизицию у всех соц. групп туземного населения.

Во-вторых: Пушно-заготовки проводятся без массовой разъяснительной работы, административными методами. Местными организациями и представителями заготовительных организаций давались твердые задания всем туземцам от кулака до батрака включительно. Беднякам и середнякам, в случае невыполнения задания угрожали переводом их на кулацкие нормы снабжения.

В некоторых случаях, например, в Авамской тундре, у кулаков просто отбирали пушнину без всякой оплаты.

В-третьих: Вост.Сиб. край и союзные хозяйственные организации, работающие на приенисейском севере, несмотря на богатейшие рыбные и горные ресурсы Таймыра (уголь, медь, никель, платина Норильска; консервный завод с годовой производительностью в 2,5 млн. банок) до сих пор не приняли мер к созданию местного каботажного транспорта и использованию системы водных путей южного Таймыра для товароперебросок в тундру. Поэтому все перевозки по округу производятся зимой на оленях, в порядке трудгужповинности, на расстоянии от 500 до 1.300 км. На эти перевозки съезжаются за сотни и тысячи километров, со своими чумами, стадами и семьями почти все туземное население Таймырской тундры. В перевозках ежегодно участвует 13–15 тыс. оленей, из которых несколько тысяч погибает на путях перевозок.

В четвертых: В Окружном бюджете весьма существенную роль играет приход от запрещенного законодательством о Севере, самообложения и «культсборов», которые проводятся под видом необходимости культурного строительства среди туземного населения, а фактически полностью идут на административно-управленческие нужды округа. Так, например, в 1930–31 г. при большом подъеме туземцев был проведен культсбор Туруханским РИКом* (еще до образования национальных округов). Тогда, в пределах нынешнего национального Таймырского округа было собрано 100.000 р., которые потом, при выделении округа, присвоены Туруханским русским Риком. Таким образом, туземцам не досталось ни копейки и от этого культсбора.

В пятых: Все эти извращения партийной политики в хозяйственной работе на севере связаны с полнейшим извращением национальной политики партии в вопросах партийного и советского строительства среди народов севера. Об этом говорит инспектор Ком.Севера тов. Круглов, ездивший в этом году на перевыборную кампанию советов. Он говорит, что «Все туземное население сплошь безграмотно, за все годы Советской власти до 1933 г. не было построено ни одной школы, ни одной больницы, ни одного дома туземца, ни одного красного чума. Туземные советы фактически не существовали, ибо не имели ни одного платного грамотного работника. Кадры из коренного населения почти совершенно не подготовлены. В 25 туземных сельских советах все председа-

* РИК - районный исполнительный комитет.

тели безграмотны, секретарей имеют только 4 сельсовета и то русских».

При таких условиях, когда еще не разрешены самые основные вопросы советизации округа, когда не созданы даже элементарные политические предпосылки к коллективизации туземцев, Округком ВКП(б) принял решение о завершении сплошной коллективизации в округе в 1932 г., а край решил завершить его в 1933 г.

Такого рода преступные нарушения партийной политики и привели к восстанию туземцев под руководством и лозунгами туземного кулачества. Восставшие требуют прекращения нажима на кулаков, считая их лучшими оленными людьми, об облегчении зимних* оленьих грузоперевозок по тундре, заменив их водными перевозками; отменить регулирование промыслов сверху, предоставив это делать самим туземцам; отменить сборы.

Все предъявляемые восставшими требования связаны с вышеперечисленными многочисленными извращениями партийной политики и полным отсутствием правильной классовой линии в работе среди северных народностей.

Вместо продуманной политики партийного и советского строительства, развертывания массовой политической работы среди туземцев, и организации батрацких и бедняцких слоев вокруг наших мероприятий — господствует механическое перенесение методов работы передовых районов СССР в условия Севера и голое администрирование. Отсутствие выработанной системы мероприятий по ограничению и вытеснению туземных эксплуататорских элементов заменяется отдельными левацкими наскоками на кулаков в виде реквизиций, пятикратки и т.д. Больше того, эти методы нажима на кулака распространяются на середняков, бедняков и батраков.

Необходимо сейчас проработать ряд коренных проблем партийного, советского и хозяйственного строительства на Севере и прежде всего проблемы партийного строительства, классовой политики в условиях Севера, проблемы советского строительства, кооперативного и колхозного строительства. Все проблемы работы на Севере приобрели сейчас особую актуальность в связи с перспективами хозяйственного освоения Севера во вторую пятилетку.

Поэтому предлагаем сейчас: заслушать на Секретариате ЦК ВКП(б) вопрос о положении в Таймырском округе и на основе этого написать письмо крайкомам и обкомам ВКП(б) о необходимости решительного усиления конкретного партийного руководства работой среди народностей Севера и исправления имеющихся извращений в работе.

2. В связи с необходимостью проработки ряда проблем партийной и советской работы на Севере, послать по линии ЦК ВКП(б) на лето три бригады (1-ую на Уральский север, 2-ую на Енисейский Север в Эвенкийский национальный округ, в районе Нижней и Подкаменной Тунгузки, 3-ю на Дальний Восток, в низовья Амура).

3. Для обсуждения вопросов партийного и советского строительства на Севере созвать в конце текущего года совещание при ЦК ВКП(б) или Оргинстре ЦК ВКП(б) с представителями мест.

4. Провести за лето просмотр и изучение основных кадров работа-

* Зимних.

ющих на Севере и принять необходимые меры к укреплению Севера соответствующими работниками.

ЗАВ.ОРГИНСТРОМ ЦК: (МЕЕРЗОН).*

Отв. ИНСТРУКТОР ЦК ВКП(б) (САХЯНОВА).**

Наш комментарий

Публикуемый документ из архива видной большевички, работника центральных партийных органов М.М. Сахьяновой подписан только ею. Видимо, он готовился в аппарате ЦК ВКП(б) для информации руководителей партии и государства, но до адресатов — Сталина, Кагановича, Постышева, — возможно, так и не дошел. В документе нет даты. Судя по излагаемым событиям, это 1933 год.

Документ интересен прежде всего освещением реального положения дел в местах проживания коренных народов Сибири. Конкретная политика, проводимая партийными органами, в документе прямо называется извращением. Эта политика привела в 1932 г. к восстанию на Таймыре трех ненецких родов, к которым присоединились туземцы других районов. В документе указаны примеры «извращений», а именно: откровенные поборы под видом «культурсборов», принудительное размещение облигаций госзаймов и их последующая «реквизиция», твердые задания по заготовкам пушнины, принудительные повинности по грузоперевозкам, использование собранных средств не на культурное строительство, а на административно-управленческий аппарат, полное отсутствие позитивных мероприятий в социально-культурной сфере.

В документе предлагаются конкретные меры по исправлению политики в национальных районах и регионах: заслушивание на секретариате ЦК ВКП(б) вопроса о положении в Таймырском округе, посылка трех бригад в национальные районы Урала и Сибири, созыв совещания с участием представителей из национальных районов, подбор кадров для работы в национальных районах.

Скорее всего, документ так и не дошел до адресатов. В политике партии большевиков в национальных районах так ничего и не изменилось. А проведенная вскоре здесь коллективизация по существу закрепила на Севере, равно как и по всей стране, существовавшую с 1917 г. политику поборов и репрессий.

Документ говорит и еще обо одном: в недрах партийного и государственного аппарата были руководители, объективно оценивающие проводимую большевиками политику хозяйствования и социально-культурного строительства в национальных районах Сибири и видящие ее пагубность. Но они, к сожалению, являясь частью партийного аппарата, ничего не могли изменить.

Редколлегия.

* Каких-либо сведений о партийном работнике Меерзоне у нас нет.

** Мария Михайловна Сахьянова (в документе с ее личной подписью — Сахьянова) родилась в 1896 г. в семье бурята-бедняка. Окончив второклассную церковно-учительскую школу, она в 1915 г. на средства, собранные населением, уехала учиться в Петроград на Высших женских курсах имени П.Ф. Лесгафта. Учась, она одновременно работала переплечницей, грузчицей, конторщицей. Включившись в революционную деятельность, она в 1916 г. вступила в партию большевиков. Перед февралем 1917 г. за революционную деятельность М.М. оказалась в Петроградской женской тюрьме. В октябре 1917 г. она активно участвует в становлении советской власти в Иркутске: в составе боевых дружин подавляет юнкерский мятеж, организует группу бурят-большевиков при Центросибири. В апреле 1918 г. М.М. возглавляет бурятский сектор при Центросибири. В конце того же года она создаёт в подполье Приморский областной комитет партии большевиков, работая позже в нём секретарём. В годы советского строительства она учится и заканчивает Московский коммунистический университет, работает (1924—1928 гг.) секретарём областной партийной организации Бурятии, в аппарате, с 1929 г., ЦК ВКП(б). Она была участницей многих партийных съездов и конференций, избиралась во многие высшие государственные органы. Была награждена двумя орденами Ленина.

О БЫЛОЙ ЖИЗНИ ЭВЕНКОВ В ДОЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ*



*Василий Николаевич Скалон (1903–1976),
профессор, охотовед*

В настоящее время всеобщей перестройки жизни на Севере, когда индустриализация охватывает там один район за другим и быт населения изменяется в корне, небезынтересно вспомнить о прошлом, тем более что прошлое Севера ушло весьма мало изученным. В особенности это касается небольших этнических групп, в данном случае эвенков доенисейской Сибири, живущих в отрыве от основных местообитаний своего народа.

Наша литература еще не имеет исчерпывающих данных о доенисейских эвенках. Между тем, исследователь, придя к эвенку сегодня, не найдет того, что за сорок лет ушло в давнее прошлое, уже забыто, но что необходимо учитывать для правильного понимания истории и сегодняшней действительности.

Исторические сведения о проникновении эвенков к западу от Енисея очень скудны. Можно сказать только, что факты проживания эвенков в западных районах Сибири были известны давно. У Кострова (1857) мы находим указание, повторенное Паткановым (1906), что в 1608 г. эвенки напали на Кетский острог. Само переселение эвенков на левобережье Енисея исследователи относят к временам новейшим (Патканов, 1906; Орлова, 1928; Василевич, 1931), не ранее первой четверти XIX в. Нам думается, что это едва ли верно — предания местных эвенков позволяют предполагать гораздо более раннее их проникновение сюда. Тем более что Василевич на основании глубоких лингвистических изысканий приходит к выводу, что группы доенисейских эвенков давно откололись от основного, восточного, эвенкийского центра. В отношении же скудости сведений о них она предполагает не без основания, что в течение долгого времени эти группы могли оставаться незамеченными и поэтому не учитывались. Заметим, что последнее могло иметь место лишь после отмены государственной монополии на пушнину, ибо ранее от внимания сборщиков ясака едва ли ускользали даже небольшие туземные группы.

Переписью 1897 г. было установлено следующее количество эвен-

*Очерк написан по материалам экспедиций конца 20-х, 30-х и 40-х годов.

ков по левобережью Енисея: р. Малый Кас — 10, на р. Оленьей, притоке Кети, — 21, в Туруханском крае по р. Поклькы — 20, по Тазу, без точного указания (отмечу, что р. Поклькы, вероятно, приток Таза) — 15, в бассейне р. Худосеи — 47 человек. Кроме того, одна семья была обнаружена в Томской губернии, следовательно, не восточнее среднего течения Нети и Сыма, и одна в Тобольской, вероятно, в Ларьякской инородческой управе. Отметим, что до революции эвенки вполне регулярно выходили в Ларьяк на Вахе, однако в период 1922–1923 гг. здесь совершенно не появлялись (личные сообщения аборигенов и старожилов Ваха).

Интересно отметить указания Бартенева (1896), что в прошлом столетии эвенки доходили до Обдорска (Салехарда), случаев чего в нашем веке мне неизвестно.

В 1931 г. расселение эвенков по национальным советам доенисейской Сибири представлялось в таком виде: Сымско-Касский — 39 хозяйств, 174 едока; Елогуйский — 2–4 хозяйства; Верхне-Тазовский — 26 хозяйств, около 140 едоков; Тымско-Караконский — 2 хозяйства; Чалогыро-Панкагырский — 25 хозяйств, 132 едока.

По правобережью Оби эвенки обитали в бассейне р. Пайдугиной, в верховьях Кети и Тыма, всего, по сведениям Орловой (1928), 40–50 семейств. Кроме того, я нашел в верховьях Колек-Егана, правого притока Ваха, одно хозяйство, которое пришло туда около 1920 г.

По левобережью Оби эвенки в количестве 20–22 семей обитали в верховьях Чежапки и Нярьлкы, притоков Васюгана. Проникли они, однако, и далее на запад. Так, Шухов (1927) обнаружил одну семью в бассейне р. Урны, а на Демьянке и поныне обитает 4–5 семей, о которых я имел сведения в 1939–1940 гг. Эти же или другие 3–4 семьи обитали в верховьях Туртаса.

Сопоставление материалов показывает, что за последние 33 года количество эвенков в доенисейской Сибири очень возросло и, что важно, чрезвычайно расширилась область их обитания: к северу — до верховьев Турухана, к западу — поперек бассейна Оби до верхних притоков Иртыша. По-видимому, процесс расселения эвенков не закончился и сейчас. Он протекал на наших глазах. Например, отдельные семьи уходили с верховьев Таза на Колек-Еган (группа баяки), на Васюган с Елогуя (например, Докуновы из группы баяки); наконец, я знал на верховьях Таза эвенков, пришедших с Васюгана и Елогуя.

Причину расселения эвенков Патканов (1906) видит в оскудении пушных богатств в местах их исконных поселений. Орлов (1928) придерживается этого же взгляда, заявляя, «... что основной причиной проникновения тунгусов в Нарымский край является гоньба за белкой». К этому же склоняется Василевич.

Несомненно, однако, что первенствующую роль среди причин переселений играли факторы социально-экономического порядка. В старину имели место и большая вражда между родами, и междоусобные войны, и классовая борьба...

Причиной переселения, даже весьма дальнего, отдельных семей могли быть и другие факторы. Например, упомянутое изолированное хозяйство на Колек-Егане принадлежало известному шаману Гав-

риле Баякину, который получил большую популярность среди местного населения, вследствие чего укрепил свое хозяйство и взял вторую жену, молодую хантейку (первая жена — эвенкийка из рода Докуновых). Причина переселения шамана с верховьев Таза на Колек-Еган была чисто экономическая.

Между прочим, склонность к шаманству у эвенков в этих местах была выше, чем у соседних народов. Об этом пишет Орлова: «На Кети тунгусы являются хранителями культа, обслуживающими местных остьяков-самоедов». В верховьях Таза я обследовал подробно 61 хозяйство селькупов (и кетов), в них оказалось 7 шаманов, из них 2 известных. Эвенков было 29 хозяйств, в которых проживало 6 шаманов, из коих 3 наиболее известных.

Не подлежит сомнению, что значение охотничьих причин в переселениях также имело место, нужно только отметить, что говорить при этом об оскудении охотничьих угодий вообще не приходится. Исчез соболев, но лишь в нынешнем столетии (восстановление его ареала — достижение последних 10–15 лет). Что же касается белки, то вопрос об ее уменьшении крайне спорный. При этом эвенк, охотник превосходный, сумеет добыть ее, не прибегая к переселениям, и по отношению к нему, знатоку тайги, выражение «гоньба за белкой» неприменимо. Нормы добычи заенисейских коренных эвенков отнюдь не выше, чем их западных собратьев. А белка была и является основным источником эвенкийского хозяйства.

Другое дело — дикие копытные. Потребность в добывании этих зверей в наибольшей степени служила причиной дальних кочевков и переселений эвенков. При расспросах васюганских и демьянских эвенков приходилось слышать, что в эти места их именно и привлекло обилие копытных зверей. То же целиком относится к Елогую и верховьям Турухана. Например, Чапогыро-Панкагырская группа эвенков, до конца прошлого столетия населявшая бассейн р. Худосеи, который тогда изобиловал диким оленем, с его исчезновением перебралась на верховья Турухана, где дикий олень сохранился до сих пор. При этом эвенки пошли на значительную ломку быта, почти выйдя из пределов леса. В то же время на Худосее белка была, как есть и сейчас, а в бассейне Турухана она находится на границе своего распространения.

Посмотрев на карту распространения копытных по Северо-Западной Сибири, мы сможем убедиться, что эвенки наиболее сохраняли исконный, так называемый бродячий образ жизни именно в районах, изобилующих этим зверем (верховья Турухана, Васюганье). В то же время, и это немаловажный фактор, эвенкам до последних лет было свойственно большое стремление сохранить издревле привычные дальние маршруты. Передвижения в сотни километров не были для них редкостью, и необходимость ограничить передвижения десятками километров вызывала сетования стариков.

Эвенкам присуща необыкновенная способность ориентироваться на местности. В свое время, при охотустроительных работах, мне пришлось убедиться, что эвенки до мельчайших подробностей знали ситуацию на местности в миллион гектаров, отлично представляли себе местность в



Кочующие тунгусы (эвенки) Нарымского края на Оби. Фото А.В. Адрианова начала 20-х годов XX века. Перепечатывается из журнала «Родина», № 12, 1989.

пять миллионов гектаров и очень хорошо ориентировались в речных системах. Когда в 1929–1930 гг. А.Ф. Ткаченко и я составляли карту Таза, аборигены делали нам чертежи своих угодий, и среди них эвенки давали материал удивительной точности. Им мы показывали для исправления то, что рисовали кеты или селькупы, а проверкой на местах убеждались в превосходстве эвенкийских знаний. Об этой способности эвенков писали в свое время А. Л. Чекановский, В. И. Подгорбунский и др. Один из участников землеустроительной экспедиции Отрыганьева, обследовавший в начале нашего века так называемую Васюганскую тундру, рассказал мне следующее. Их отряду надо было пройти с р. Туртас в бассейн Васюгана, проложив маршрут прямо на устье этой реки, к селу Каргасек. Проводника найти не удавалось, и быть им согласился молодой эвенк с р. Нюрельки. Он сказал, что в Карагаске он не бывал, но обещал вывести к нему отряд в положенное время. И вот он с полной уверенностью вел отряд напрямик и, действительно, угадал почти совершенно точно, в устье р. Васюган, против Каргасека. Такие феномены ничуть не удивляли тех, кто близко знал эвенков тех времен (Доброва–Ядринцева, 1925).

Исконный образ жизни эвенков заключался в сохранении производственных передвижений в течение всего года, в использовании оленя под верх при кочевье, в отсутствии неподвижных жилищ, в преобла-

дании охоты над рыболовством. Как говорили по Верхнему Тазу: «Настоящий тунгус век тайга смотрит, сургут (самоназвание местных кетов и селькупов) век вода смотрит». Если в силу родственных связей, а чаще по слабости стада, эвенки бывали вынуждены оставаться на длительный срок среди иных народностей, они изменяли свой образ жизни. Они постепенно оказывались в кругу освоенных территорий, фактически распределенных угодий, эвенкийский образ жизни на которых, естественно, нарушал права соседей. Пример этого имелся у эвенков, обитающих в районе северной тайги — правобережья Енисея, где они в значительной степени слились с русским населением. То же было во многих местах Бурятии и Читинской области (Борзинский, Алекзаводский и Газимурозаводский районы). Еще более это относится к эвенкам, расселившимся в пределах Восточной Монголии. Они живут там, главным образом, в пределах восточного Хентея, на запад до меридиана Улан-Батора. Такую группу я обнаружил в верховьях Онона летом 1944 г. Эти эвенки полностью перешли к скотоводческому хозяйству. Они омонголились или, скорее, обурятились, ибо почти не выходят из притаежной полосы, освоенной преимущественно бурятами. Разговорный родной язык ими почти полностью забыт, сохранились лишь память о национальной принадлежности, родовые названия да имена, употребляющиеся наряду с монгольскими, и некоторые детали быта, главным образом в одежде.

Особенно интересна судьба эвенков в верховьях Таза. Хотя в этом районе, по нашим данным, на душу населения в 1929–30 гг. приходилось 6954 га угодий, отчасти обесцененных гарями, они были четко распределены между охотниками. Население, обитающее по речкам, имело строго определенную территорию землепользования. Заинтересованность в угодьях была такова, что даже на заход отдельных чуждых семейств население реагировало болезненно. Ряд конфликтов 1925–1928 гг., принимавших острые формы, вызывал даже необходимость посылки специальной разграничительной экспедиции в 1929–1930 гг. В результате эвенки вынуждены были приспособливаться к существующему укладу и постепенно, несмотря на большую численность, достигшую к 1929 г. одной трети всех семейств, нацело восприняли быт окружающего населения и значительно с ним ассимилировались. Они утратили летние передвижения и верховую езду на оленях, после комарного периода, а иногда и на все лето, отпускали оленей в тайгу, приняли ранее вовсе почти не применявшуюся оленью санку*. Они «сидели» в морозную пору в большинстве в землянках, летнее время использовали для интенсивной рыбной ловли и рыбой, главным образом, питались. Они в значительной степени утратили родной язык. Сами они прекрасно отдавали себе отчет в происходящем. Старики с грустью вспоминали былые дальние маршруты, многие из них бывали на Васюгане, на Сыму, на Обь-Енисейском канале, даже на Каменной стороне (на правобережье Енисея), словом в местах, которых младшее поколение совершенно не знает. «Наш тунгус, однако, век кончил», — говорили они на своем своеобразном русском языке.

*Так у автора.

Потеря национальных особенностей из года в год закреплялась смешанными браками, и недалеко, казалось, то время, когда от эвенков на Тазу останется одно воспоминание. Это уже произошло с двумя эвенкийскими семьями в Тымско-Караконском нацсовете, в которых родным языком не владели даже главы семей. Нет, разумеется, никакого основания толковать эти явления в смысле неизбежности потери эвенками национального лица при перемене быта, о чем свидетельствовали прекрасно развивающиеся эвенкийские колхозы, скажем, на Сыме или Тyme. В местах, где эвенки не сталкивались с трудностями в осуществлении кочевий, например, в пределах бывшего Нарымского края, они полностью сохраняли свои бытовые особенности. То же относится к обитателям верховьев Таза. По данным нашей экспедиции в 1929–1939 гг. группа здешних эвенков в 25 семей занимала земли площадью в 1690 тыс. га, или 12803 га на человека. Обитая в основном на территории госземфонда, эти группы, особенно малочисленные обитатели водоразделов Оби, Енисея и Иртыша, имели полную возможность осуществлять любые переходы.

Нарымские эвенки, а отчасти и их доенисейские сородичи, являются хранителями исчезающей в доенисейской Сибири расы тунгусского оленя, крупного и выносливого, выгодно отличающегося от других рас. От сокращения в прошлом эвенкийских стад, от угасания самой культуры таежного эвенкийского оленеводства эта ценная порода постепенно исчезает, что крайне нежелательно. В свое время я поднимал вопрос о чрезвычайно важной задаче сохранения таежного и лесотундрового оленеводства. До сих пор на больших площадях Западной Сибири пространство превышает возможность освоения их человеком. Олень, и только он, дает возможность использования огромных угодий. Говоря об этом, еще раз подчеркнем свое решительное несогласие с теми мероприятиями, которые за последнее время успешно осуществляют сторонники акклиматизации в тайге тундровых оленей. Быть может, в результате затраты огромных сил и больших средств можно добиться того, что мелкие и коротконогие тундровые олени как-то привыкнут жить и размножаться в тайге. Спрашивается, какой же смысл во всех этих хлопотах, когда мы располагаем великолепными породами таежных оленей, которые исчезают? Неужели не очевидно, что гораздо дешевле и всесторонне целесообразнее заняться этими отечественными породами?

Хозяйство и быт небольшой чапогыро-панкагырской группы (рода) почти не были исследованы. Группа в 1929–1930 гг. состояла из 25 семей (132 человека обоего пола) неоднородного происхождения. По преданиям, эвенки производят себя от трех братьев, ушедших некогда на Турухан из Илимпеи. К ним впоследствии присоединились три семьи елогуйских эвенков по фамилии Давендук (или Давидук). По материалам специального земельного обследования, в некоторой части территории имелись факты совместного с соседним населением освоения угодий, обычно бесспорного. Так, в верховьях Большой Хеты пастники эвенков сходились и заходили друг за друга с пастниками дудинских

ненцев. По Макой-кы обычными были заходы кетов. Со стороны Таза кочевки эвенков смешивались с ненецкими, а на юге соприкасались тесно с угожьями тымско-караконских и баишенских селькупов.

Охотничья фауна территории не разнообразна. На первом месте по экономическому значению стоит песец. Из крупных хищников встречаются лисица и росомаха, имеющие второстепенное промысловое значение. Волк — гроза оленеводов — распространен широко, приносит вред, но добывается крайне редко. Встречается медведь, но редко. Выдра зарегистрирована только по Турухану и не доходит, видимо, до полярного круга. Горностай встречается повсюду. Белка, доходящая в небольшом количестве до Богова озера, не составляет основы охоты. Особое место в жизни эвенков занимает дикий олень. Встречается он по всему району, значительно увеличиваясь в числе к северу. Охота на него имеет определяющее значение в смысле снабжения мясом, а особенно сырьем: «постелями», камасом, лбами и т.п. Из птиц существенное значение имели водоплавающие, особенно гуси, а также куропатки.

Рыба эвенками добывалась, главным образом, черная. Из сиговых на первом месте был озерный сырок; в Турухане и его притоках, а также по Тазу случалось добывать и другие ценные породы: чира, муксуна, пыжьяна.

Началом года у туруханских эвенков считался весенний прилет птиц и отел важенок. Годовой цикл в кратком виде выглядел так.

Апрель. Время весновки. Оно было занято, главным образом, уходом за оленями, стельными важенками, новорожденными телятами. Производился промысел пушальными рыбами по заберегам. Домашний досуг посвящался приготовлениям к летнему сезону.

Май. Производилась передвижка для смены пастбищ. Месяц усиленной ружейной охоты за прилетной птицей. Добыча рыбы отходила на второй план. Оленей держали в «башмаках», что доставляло немало хлопот, так как олень требует ежедневного переодевания башмака с ноги на ногу. Женщины пользовались последними холодами для заготовки березовой стружки на утиральники и упаковку посуды — она изготовляется из березовой заболони в холодное время.

Июнь. Добыча птицы продолжается. Рыбу ловили случайно. В июне молодые телята уже окрепли, и хозяйству можно двигаться; переезжая верхом. Реки, в случае надобности, переезжали на плотах-саликах или в «ветках». Остановки при кочевках были нерегулярны, зависели от качества пастбища или от случайных причин; продолжительность их от 2–3 дней до 2 недель. Общее направление движения, в той или иной степени, — кольцевой маршрут.

Июль. Также двигались небольшими аргишами (переходами). Обладатели неводов занимались промыслом рыбы, которая заготавливалась впрок, но не в большом количестве и не всеми. Шла добыча молодой птицы.

Август. Начинались дальние заезды для охоты на «диких», а также шла починка и установка пастей на песца.

Сентябрь. Большая охота на «диких». Заготовка впрок (сушка) оленьего мяса.

Октябрь. Возвращение к местам весновки, где оставлен зимний скарб, упакованный в санках. Конец летних верховых переездов. Забрал зимнее имущество и оставив то, что не понадобится до лета, отправлялись к озерам ловить рыбу на приманку к пастям. Конец октября — насторожка пастей.

Ноябрь. Покончив с пастниками, отправлялись к «пеляжым озерам» — к местам озерного сырка и тут проводили наиболее морозное время. Расстановка капканов, осмотр пастей, подледный лов рыбы пушальнями.

Декабрь и январь. Подледный лов рыбы и разъезды для высмотра капканов и пастей.

Февраль. Большой выезд на охоту за дикими оленями, которых выслеживали и гоняли на санках и лыжах.

Март. Продолжалась добыча «диких». Подвозка леса к пастям, требующим починки, и к местам, где надлежало установить новые (заготовка материала к августовским работам). В конце марта «роняли» пасты, т.е. выводили их из настороженного состояния.

В конце марта — начале апреля обычно происходил родовой съезд.

При описании хозяйств чапогыро-панкагырских звенков на первое место следует поставить оленеводство, которое у них имело исключительно подсобный характер и служило, главным образом, для целей транспорта. При этом оно играло решающую роль как основное средство производства, от которого зависело благосостояние.

Общее количество оленей, принадлежавших в 1929 г. 29 хозяйствам равнялось 422, т.е. в среднем 18 голов на человека при максимуме в 75 и минимуме в 2 головы. Убыль стада за 1929 г. выразилась в 104 головы, т.е. почти 20% поголовья: от болезней — 60; от волков — 14; на мясо — 28, потерялось — 2. У части хозяйств сохранялся в довольно чистом виде тип крупного тунгусского оленя. Причину его сохранения среди мелких юрацких оленей можно объяснить происходившими до недавнего времени хозяйственными сношениями наших звенков с их восточными родичами. Почти не употребляя собак на охоте, чапогыро-панкагырские звенки переходили к применению юрацких оленегонов.

На охоте наиболее распространенное и важное орудие добычи — пасть. Следует отметить, что до сего времени существует глубоко ошибочный взгляд на эту ловушку как устарелую, вредную, подлежащую замене капканом. В действительности пасть совершенно уместна и необходима в тундре. Ловушка стационарная, простая в обслуживании. Аккуратно сделанная, она отлично сохраняет добычу, а, главное, не может потеряться или быть занесенной снегом, что постоянно бывает с капканами. Пасть к тому же ориентир в тундре, не нужно тратить время на ее поиски, тем более что пасти стоят всегда рядами. В то же время пастник не может увеличиваться до беспредельности, он ограничивается возможностью достаточно частого высмотра хозяином. Капкан же — полезное дополнение к пасти, его ставят по мере надобности, в основном на оставленных чумовищах, куда обязательно заглядывает лю-

бщий пользоваться отбросами песец.

Количество пастей в группе достигало 1865 штук, в среднем 62,2 на хозяйство, с максимумом в 250 штук. Количество обслуживаемых пастей прямо зависело от количества упряжных оленей.

Каждый хозяин имел наследственные пастники, заведенные прадедами. Они были обычно приурочены к водораздельной тундре, по возможности, поперек междуречья, если вдоль русла имеется лиственничник, чем облегчается возможность подвоза леса к пастнику с двух сторон. Пасты расположены рядами, в 150–200 м одна от другой, с промежутком между рядами около 2 км.

Пасть ставится на холмике высотой около 1 м и 0,5 м длины. С двух сторон лежащих бревен ставятся палки — «закрытая пасть». Насторожка производится в конце октября, поронка — в конце марта-начале апреля. Оставлять пасть настороженной на лето нельзя. Раскисшая земля не выдержит, и пасть расплзется. Если следить за пастью, она без капитального ремонта может служить лет 10 и более. Насторожка готовится из мелко рубленой рыбы до 0,5 кг на один раз.

Капканов в 1929 г. было зарегистрировано 49, т.е. около 2 на хозяйство, в то время как у каждого охотника их для подсобного лова должно было бы быть до 20 штук.

Черканы были найдены лишь в хозяйствах трех человек в количестве 25, 10 и 4 штук.

Огнестрельным оружием эвенки этой группы были снабжены достаточно. Было зарегистрировано 28 винтовок, главным образом, бердан, дробовиков 36, главным образом, шомпольных, и один двухствольный, центрального боя. Луков обнаружено не было. Летом ружье носят в чехле с разрезом с обеих сторон по прикладу и ремнем на оба плеча. Зимой к санкам сбоку плотно привязан просторный и длинный чехол из грубой кожи, в котором, прикладом вперед, всюду следует за хозяином винтовка.

Орудиями рыбного промысла служат преимущественно пушальни, как наиболее портативные ловушки. Общее количество их было равно 120. Употребительны они зимой и летом. Наиболее ценится сеть из конского волоса, так как она не смерзается. Общее количество добываемой рыбы определялось 2775 пудами, или 111,8 пуда на хозяйство.

Заключая заметки о прошлом доенисейских эвенков, подчеркнем, что сама возможность сохранения ими исконного быта определялась наличием диких копытных. В наибольшей степени лоси определяли благополучие эвенкийской семьи. Этому зверю уделялось основное внимание, и о нем проявлялась забота. Искони лоси были для эвенков предметом не промысла, а подлинного хозяйства. Эвенки совершенно точно знали размеры лосиного поголовья на своих угодьях и убивали ровно столько животных, сколько было нужно, и именно в то время, когда звери наиболее жирны. Совершенно невозможным было убить зверя и бросить в тайге без использования всего, что можно взять от туши. Более того, эвенки прекрасно знали состояние лосиных угодий, пастбищ зверя. В случае надобности, для увеличения площади лиственничного

молодняка, в ранневесеннее время (чтобы не вызвать пожара) выжи- гались мысы на речках, что уже было вполне «биотехническим» меро- приятием. Там, где лось исчезал, как, например, в верховьях Таза, эвен- ки оседали и сливались с окружающим населением. Там, где можно было заменить отсутствующих лосей диким оленем (а сырье, получаемое от лосей, гораздо ценнее оленьего), эвенки делали это, как это было на верховьях Турухана.

ЛИТЕРАТУРА

Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. СПб, 1896.

Василевич И. Заметки о тунгусах, кочующих к западу от Енисея. «Советский Север», № 10, 1931.

Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новоси- бирск, 1925.

Костров Н. Очерки Туруханского края. — Записки Сибирского от- дела Русск. геогр. общ., кн. IV, 1857.

Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, его хозяйство и быт. Нарымские тунгусы. Красноярск, 1928.

Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Си- бири, часть 1. Тунгусы собственно, вып. 1,2. СПб, 1906.

Скалон В.Н. В тундре Верхнего Таза. «Советский Север», № 8, 1930.

Скалон В.Н. Оленевство в бассейне р.Таза. «Советский Север», № 6, 1931.

Скалон В.Н. О тунгусском олене на томском севере. «Охотник и пушник Сибири», № 6, 1938.

Шухов И.Н. Тунгус — зверолов в бассейне р.Урны. «Охотник и пуш- ник Сибири», № 8, 1927.

Annotation

V.N. Skalon. On the Former Life of Evenks in PreYenisey Period of Siberia. — Taltsy, № 2(4), 1998.

The economy and everyday life of evenks in West Siberia in 20-30th of the XXth century are given in a book. The main motive of penetrating and populating PreYenisey Siberia is being discussed in it. Socio economic factors are being touched too. One can trace process of assimilation when loosing national features caused by mixed marriages.

Аннотациял

Скалон В.Н. Эвенкил интын доенисейскай Сибирьду. — Тальцы, № 2(4), 1998.

Дукуча мэнин бэе гиркунаи, ичэтнэи, инмэтын эвенкил. Западнайду Сибирьду 20–30 анн, аниду ХХ в. Упсаситын халчал эвенкил эмэнэвэтын элэ доенисейскайдула Сибирьдула. Ичэчивчэ он инивкил бичэл, он хаваливкил, эва одявкил. Нун, артын хун, тулнун тэгэнун асилалдывкил, мирэнивкил бичэл.

ЭВЕНКИ РОДА ВИЛЮЙСКИХ УДЫГИРОВ



*Иосиф Трофимович Удыгир,
учитель средней школы,
г. Иркутск*

Эвенки в XVII веке не представляли собою единого целого. Они делились на ряд племен (таких племен известно более 20), которые фигурируют в русских документах под названием «родов». Наиболее значительными из этих племен были следующие. В бассейне Нижней Тунгуски жили нюрумляне (в русских документах «буляши»); к югу от них — гишлягиры; на Вилюе — калтакулы и нанагиры; по Илимпее и Верхней Лене кочевало большое племя налягиров; на Верхней Ангаре, Витиме и Оленьке — большое племя киндигиров; на Алдане обитали лалогирь; по Оленьку и Анабару — азянцы; на Хатанге — ваянды. Племена были независимы друг от друга и часто воевали между собой. Во главе племен стояли старшины, которые в русских документах именуется «князцами».

Род — коллектив людей, являющихся кровными родственниками по материнской или отцовской линии. Все люди в роде ведут свое происхождение от общего предка, что бывает отражено в названии рода. В роду могло быть несколько (до 10–15) семей. Семьи вели общее хозяйство, имели территории для выпаса оленей и под охотничьи угодья. Эти территории между родами никак не отмечались границами, просто назывались места, принадлежащие роду, — по рекам, горам, тундре. Заход рода на чужую территорию решался по обоюдному согласию старшин в процессе доверительной беседы за чашкой чая (спиртного в то время не было, оно появилось тогда, когда началась торговля с русскими пришельцами). Браки внутри рода запрещались.

Большинство народов знало отцовский род — коллектив, спаянный родством по мужской линии. В роде люди старшего поколения могли знать свою родословную по отцовской линии до 7–8 колена. Обычно роды объединялись с соседними. Это совершалось через взятие из соседних родов жен. Женщины, уходя в другой род, связей со своим родом не теряли.

Эвенки вели кочевой образ жизни, покрывая большие расстояния верхом на оленях. Недаром соседствующие чукчи называли тунгусов «всадниками верхом на оленях». И это правильно сказано. Чукчи при



**Удыгир Трофим Яковлевич
(1910–1982 гг.)**

тысячных стадах оленей свой скарб переносят от стойбища к стойбищу на себе, без участия оленя. Иное дело у эвенков — они передвигались, используя оленя. Эвенки жили стойбищами. Они различали стойбища: осеннее, зимнее, весеннее (места отела оленей-маток) и летнее. Каждое стойбище имело земли со своеобразным ландшафтом для выпаса оленей и для охоты. Охотились на дикого оленя, сохатого. Позднее, когда начали платить ясак русским и когда возникла торговля с ними, эвенки стали охотиться и на пушного зверя.

Патриархально-родовой строй стал ускоренно разлагаться после прихода русских и установления ясачного режима. Старые обычаи и взаимоотношения стали меняться и утрачиваться. Между тем не все изменилось. В

частности, сохранились до сего дня своеобразные формы коллективизма и распределения охотничьей добычи. Очень интересен обычай «нимат». Он заключается в следующем. Охотник, добывший мясного зверя, должен, придя на стойбище, отдать всю принесенную им добычу кому-нибудь из обитателей стойбища (обычно не сородичу). Тот, кто получил «нимат», делит, по установленным правилам, полученное им мясо между остальными членами стойбища, оставляя себе только шкуру и часть мяса, свою долю.

Род удыгир впервые выявляется у илимпейских эвенков лишь в первой половине XIX века. Во второй половине XIX в., по исследованию Илимпейской управы А.И. Мицканом, «князем» рода удыгиров был Удыгир Николай Федорович. По рассказам старожил, он имел оленье стадо во много тысяч голов и выводил его на озеро средней величины, и лед начинал прогибаться под тяжестью стада (информатор П. А. Удыгир). «Князь» Н.Ф. Удыгир имел среди эвенков два прозвища — Боекон и Пеле. Сестра «князя» похоронена на берегу озера Чиринда. Об этом свидетельствует мраморная плита с надписью: «Удыгир Дарья Федоровна 1749–1846 гг.». В 1888 г. род удыгир состоял из 23 семей и насчитывал 116 человек. По численности он уступал только роду хукогар.

В 1920-х г. «князем», а затем председателем «Илимпейского рода» был Удыгир Дмитрий Васильевич. К 1926–27 гг. удыгиры стали самым многочисленным родом илимпейских эвенков — 48 семей (267 человек) с 2015 оленями. В эти годы в Эвенкии работал по родовым и коче-

вым Советам И.М. Суслов. По его устному сообщению (1972 г.), проведенная в то время Приполярная перепись показала, что удыгиры проживали в шести группировках — Агатской, Чириндинской, Кочечумо-Тембенчинской, Амовской, Мундуйско-Сухарихинской и Вилуйско-Вавинской. Последняя находилась за пределами региона, на территории Якутии, на правом притоке Вилюя — Ваве.

Отсутствие удыгиров в источниках XVII–XVIII вв., относящихся к Нижней Тунгуске, побуждает нас видеть в них весьма поздних выходцев с востока, где роду удыгир соответствуют некоторые аналогии в названиях родовых группировок. Так, род «Ударский» был в XVII в. зафиксирован у эвенков р. Тугур (Охотское побережье), позднее тот же род упоминался на Амчуге. Там же русские называли в XVII в. и «Удагирский род».

Следует сказать, что выходцы с востока входили и в состав других народов, близких эвенкам. Так, восточные удагиры положили начало роду удан среди негидальцев и роду уды среди ульчей.

Выскажем свое мнение о происхождении этнонима «удыгир». Эвенкийское слово «уды» означает — узор. От этой основы, возможно, образовано много гидронимов, распространенных в Сибири. Это Уда — правый приток Тасеевой, левого притока Ангары, и правый приток Селенги; Уд — река, впадающая в Охотское море. Отсюда, по моему мнению, происходит и этноним «удыгир». Формант «гир» обычен при оформлении этнонимов тунгусо-маньчжурских народов.

С приходом якутов на Лену удыгиры отошли на восток, к Охотскому побережью, а в последующем начали мигрировать на юго-восток и северо-запад, в результате чего часть их оказалась в бассейне Нижней Тунгуски.

Теперь рассмотрим родословную на примере одной группы рода удыгиров, потомков Удыгира Якова Екимовича, моего деда. У моего прадеда Екима (отчество неизвестно), жившего примерно в 1800–1810 гг., было пять братьев и 2 сестры.

Удыгир Яков Екимович родился примерно в 1850–1860 гг. (точная дата неизвестна, так как документы сгорели во время пожара в архиве Туруханска). У него было 2 брата и 2 сестры. Старшая сестра и ныне

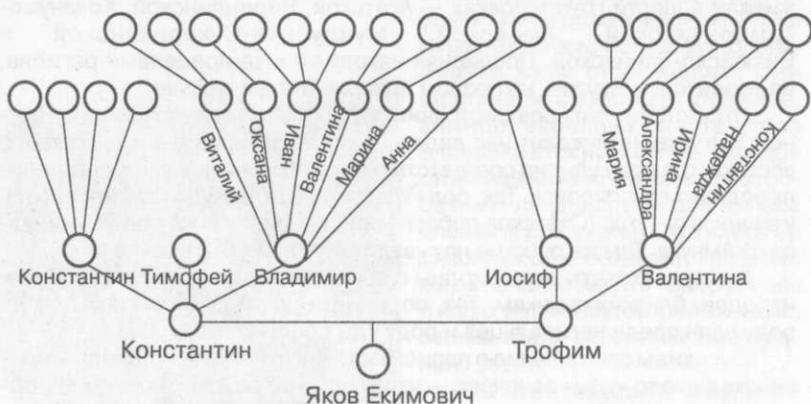
**У д ы г и р
Константин
Яковлевич
(1 9 0 8 –
1986 гг.) —
в центре.**



**Слева направо:
Удыгир И.Т.,
Удыгир Т.К.,
Удыгир В.В.,
Комбагир А.Н.**

здоровствует в возрасте около 98 лет, проживая в поселке Кислокан. У Якова Екимовича родилось 2 сына: старший Константин и младший Трофим — это мой отец.

Родословная потомков Я.Е. Удыгира от сыновей выглядит следующим образом.



Кроме сыновей, Я.Е. Удыгир имел трёх дочерей — Груню, вышедшую замуж за эвенка из рода бранат, Наталью, замужем за эвенком из рода удыгир, и Акулину, замужем за эвенком из рода комбагир. Потомков от дочерей показывает следующая схема.



Яков Екимович прожил долгую жизнь, он скончался в конце 1950-х годов в возрасте около 100 лет. У него при жизни были свои охотничьи и пастбищные угодья в междуречье Вилюя и Нижней Тунгуски (река Ленко), передаваемые по наследству. В этих местах и ныне пасет свое стадо его внук Владимир Константинович Удыгир (1941 г. рождения), оленевод, кавалер орденов Трудовой Славы II и III степени.

Эвенки из рода удыгир в Эвенкии славятся как мастера кузнечного дела. Кузнецы-удыгиры раньше ковали предметы домашней утвари



Удыгир И.Т. в оленеводческой бригаде (1986 г.)

ри, ножи, ботала для оленей, пальмы и даже детали к ружьям. Навыки кузнечного ремесла передавались от одного поколения к другому. Ныне этим ремеслом в совершенстве владеют Тимофей Константинович и Владимир Константинович Удыгиры, проживающие в Эвенкии в поселке Эконда.

Информаторы — жители пос. Эконда: П.А. Удыгир, возраст 75 лет; Г.Н. Хутогир, возраст 66 лет; В.К. Удыгир, возраст 58 лет.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов А. Родовое общество эвенков. — Л., 1936.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960.

Annotation

I. T. Udyghir. The Evenks from Udyghir Tribe (Vilyuj River). — Taltsy, № 2(4), 1998.

The tribesman of one of the Udyghir groups of evenks narrates on his tribes pedigree and on the history of its name.

Аннотациял

И.Т. Удыгир. Эвенкил удыгирил балдыдякитын Вилюйду бираду. — Тальцы, № 2(4), 1998.

Эрэ бае дукумни улгучэндэрэн мэннии балдыдякпи — вилюйскаилва эвенкилвэ, гэрбитын балдыдякпан.

ТУНГУССКИЕ КАЗАКИ НА ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ

*Владимир Иванович Тарасов,
преподаватель Иркутской школы искусств,
художник, историк*



Степные районы южного Забайкалья издавна были местом кочевания эвенков-скотоводов. Два раза в год они перегоняли свои небольшие стада (лошадей, верблюдов, коз и овец) с зимников, расположенных на южных склонах гор, на летники в степи и обратно. Присмотр за скотом был делом женским, мужчины своё время посвящали в основном охоте.

В середине XVII в. сюда пришли русские, под контролем которых оказались обширные районы Забайкалья. В те же годы маньчжурская администрация Китая проводила переселение с Амура и его притоков в бассейн Науна (Нонни), во внутренние районы страны, дауров, дючеров и эвенков. С переселением не согласился эвенкийский князь Гантимур, предводитель крупного племенного объединения. Он перешёл на сторону России. В одном из русских документов характеризуются взгляды князя Гантимура: «в ясочном платёже ни под кем не бывал и ясаку де он никому не плачивал и жил де он, Гантимур, преж сего в Даурской земле по великой реке Шилке, а владел де он многими даурскими пашенными людьми, а ясак де платили и пашню пахали те даурские люди на него, Гантимура, и за малолютством де гантимуровых тех ево пашенных людей овладел китайский богдыхан».

Переход Гантимура на сторону России серьёзно встревожил китайские власти и надолго. Требования о возврате Гантимура в Китай, угрозы его возвратиться, сопровождаемые дарами, выдвигались Китаем ещё в течение длительного времени. Вместе с Гантимуром принял российское подданство и затем православную веру тунгусский зайсан Бокоя, с которым перешли тунгусы дуларского, баегирского и дулигатского родов.

При крещении Гантимур получил православное имя Пётр, сын его Катанай стал Павлом и был пожалован званием московского дворянина. Внуки Гантимура, Лазарь и Ларион (также православные), получили впоследствии звания стольников.

В 1727 г., когда Буринским трактатом была определена российско-китайская граница в Забайкалье, к охране её решили привлечь селенгинских бурят и эвенков (тунгусов) племенного объединения, которое в прошлом было под предводительством князя Гантимура. Такое реше-

ние было принято по инициативе Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, русского посла в Китай, и мотивировано недостатком русского населения в этом крае, а также верной службой бурят и эвенков, уже участвовавших до этого в столкновениях с монголами.

Инородческие дружины несли пограничную службу в составе караулов, размещённых в небольших острогах с частоколом. При каждом карауле состояло по 5–10 юрт (семейств) эвенков или бурят. Пограничная линия первоначально насчитывала 25 караулов, к началу XIX в. число караулов возросло до 64. С востока на запад размещалось 7 тунгусских, затем 15 бурятских и ещё 3 тунгусских караула. Указом 1728 г. было решено «осемнадцати родов братским иноземцам Нерчинского и Селенгинского дистриктов дать во всякий род по знамени». Знамёна были выданы 27 сентября 1735 г., что закрепляло статус и положение инородческих дружин, охранявших границу.

Совмещение пограничной службы и ведения хозяйства давалось инородцам сложно — вскоре пограничные тунгусы разорились, стали безлошадными. Исправить положение было решено созданием в 1761 г. пятисотенного тунгусского полка под началом Павла Гантимурова. Воины полка должны были иметь лук и 50–60 стрел, им определялось жалование в размере 6 руб. в год, а снабжение их лошадьми было возложено на хоринских бурят. Стараниями Сибирского губернатора Ф.И. Соимонова полку было выдано 17 панцирей из Тобольского арсенала и 1000 сабель, высланных из Тулы в Нерчинск. После 1772 г. в полк поступили пики. Выдача оружия сопровождалась вычетом его стоимости из жалования, что оказывалось достаточно накладным для служившего (например, сабля стоила 1,5 рубля).

К тунгусскому полку были прикомандированы 22 солдата Якутского пехотного полка и 162 русских казака. Старшим в караул назначался солдат, а тунгусских воинов дополняли шесть русских казаков.

Служба усложнялась частыми посылками тунгусов в воинские команды Нерчинска и Красноярска для сопровождения грузов и на охрану различных объектов.

К концу XVIII в. вооружение Тунгусского полка состояло из луков, сабель, пик, появилось огнестрельное оружие (причём отмечалось, что тунгусы хорошо стреляют как из луков, так и из ружей). В это же время вводились знаки отличия на одежду. Так, на навершии конических шапок тунгусских десятников, как знак отличия, стали нашивать белый стеклянный шарик, многиедесятники имели также панцири и кольчуги.

Жили тунгусы в юртах. Одежда их была близка к монгольской и бурятской. Ещё до прихода русских к забайкальским конным и скотным эвенкам через дауров проникли бумажные и шёлковые ткани. От монголов тунгусы переняли костюм скотоводов.

Монгольские халаты с широкой левой полкой, которую накладывали на правую, с застёжками справа у пояса, у ворота и сбоку шились из сукна, дабы, шёлка или из шкур диких зверей (при этом покрывались

сверху тканью и простёгивались). Нагрудную и верхнюю части левой полы обшивали широкой полосой чёрного бархата, обрамлённого цветными полосками другой ткани. Под халат надевали рубашку из дабы с запонкою у ворота. Штаны также были монгольского покроя. Сохранялась и эвенкийская одежда, но уже видоизменённая под влиянием монголов. Левая пола эвенкийского кафтана увеличивалась — к ней пришивали дополнительную полосу, а вот традиционная обшивка подола и пол кафтана меховыми или ткаными цветными полосами сохранялась. Меховая отторочка ворота также увеличилась по ширине, её отгибали, и она постепенно превратилась в отложной ворот (см. стр. 3 обложки, рисунок автора).

Монгольские типы головных уборов были преобладающими: стёганые шапки-малахаи с широкими меховыми полями, пришитыми к передней половине тульи; шапки, сшитые из суживающихся сверху полосок меха (иногда с меховым околышем или наушниками). Для защиты от падающего с деревьев снега к затылочной части шапок пришивали кусок ткани или сукна. Если шапки шили мехом внутрь, то сверху их покрывали тканью и простёгивали стежками от макушки к краю.

Обувь также была монгольская или смешанного типа, с головкой, выкроенной из двух равных половинок, сшитых на подъёме и пятке и пришитых к толстой подошве; голенище кроилось из одного куска и сшивалось сзади.

К середине XIX в. в быт эвенков, охранявших границу и живших рядом с русскими, вошли мужские рубашки, штаны, картузы, вязаные шерстяные чулки (которые носили с поршнем или с пришитой к ним обувью из лосиной ровдуги, типа русских чирков).

К 1842 г. на Забайкальской границе осталось только 6 инородческих караулов, что было следствием увеличения числа русских казаков и ассимиляции эвенков русским и бурятским населением.

При организации в 1851 г. Забайкальского казачьего войска в него вошёл и тунгусский полк численностью в 280 человек (позже тунгусы этого полка полностью обрусели). Обуряченные тунгусы (ламаисты) вошли в состав двух бурятских полков, численность войскового населения которых тогда составила 9811 человек. Русские полки при формировании получили регламентированную униформу, бурятские сохраняли национальную одежду до 1854 г.

К 1915 г. бурятское казачье население увеличилось до 24350 человек, среди которых насчитывалось и 2923 человека обуряченных казаков-тунгусов.

С началом Октябрьской революции обуряченные тунгусы отделились от казаков и вошли в хошуны с ясачными тунгусами. В ходе гражданской войны большинство бывших казаков-тунгусов погибло, часть ушла в Монголию.

ДОКУМЕНТЫ

Забайкальское казачество. Сборник документов. — Чита, 1991.
Полный свод законов Российской империи. Собрание 1, т. 8.
— СПб, 1830.

ЛИТЕРАТУРА

Буссе Ф. Забайкальское инородческое войско. Исторический очерк. (без даты и места издания, библиотека Иркутского госуниверситета, редкий фонд).

Василевич Г.М. Эвенки. — Л.: Наука, 1969.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. — Чита, 1918.

Описание Иркутского наместничества 1792 года. — Новосибирск: Наука, 1988.

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). — М.: Наука, 1974.

Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. — Новосибирск: Наука, 1991.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. — Сургут: АИИК «Северный дом», 1993.

Annotation

V.I. Tarasov. Tunguss Cossacks at the Transbaikalia Border.
— Taltsy, № 2(4), 1998.

After Russia and China concluded Burinsky treaty regulating border regime between the states in 1727, the first cossack units under the leadership of Gantimoor were mobilized from Tungus native tribesmen. Altogether there were 10 tungus and 15 buryat border checkpoints organised in 1761. However the number of tungus and buryat units reduced later. Cossack tungus number had reduced to 2.923 by 1915.

Аннотациял

В.И. Тарасов. Тунгускай казак Забайкальскайду уриикитту.
— Тальцы, № 2(4), 1998.

Аннганиду 1727, Буринскай гундэктү Россиянун тадук Китайнун, гуннэлдулитын дуннэллули, Забайкальскай дуннэли очатын казачий бэйимне тунгускаилдук ибдерилдук, кинес бисе Гантимур. Эду очал 10 тунгускаил тыгичивкэл, тадук 15 бьяртскаил тыгичивкэл. 1761 аннганиду очалтунгускай бэйимнил туннга намадидук бээдук. Тадук тунгускай, бурятскай бэйимнил хокорисивулда. 1915 аннганиду тунгускаил-казакил хот хокоривра, 2.923 бээл ора.



ЭВЕНКИ С РЕКИ КУТЫ (ВЕРХОВЬЯ ЛЕНЫ)*

Татьяна Николаевна Гагина,
охотовед,
профессор Кемеровского государственного университета

Эвенки

Толя что-то крикнул по-эвенкийски. На берегу появился крепкий коренастый мальчишка лет 10–12. Обменявшись приветствиями, мальчик оттолкнул небольшую лодочку и, стоя, переехал к нам, подгребая веслом. На берегу показалась очень древняя старушка в длинном ситцевом платье, в платке на голове и с длинной, до колен, трубкой во рту.

Ширина Яльки здесь не превышала десяти метров. На той стороне видны юрты.

Юрты стояли на небольшой поляне среди леса, из некоторых шел дым. Разговор велся между эвенками и Анатолием на их родном языке. Сначала они спросили о здоровье его отца и семьи, он осведомился о их самочувствии (он старался мне кратко переводить содержание разговора). После этого пригласили нас пройти в чум.

Я впервые попала в такой первобытный эвенкийский (тунгусский) край. Хотелось побольше узнать об их жизни. Как же они смогли в наше время быть независимыми и жить своим исконным кочевым образом.

Место, куда они недавно переселились, было красивое, и его обрамляла небольшая речка Ялька. Она здесь делала большую излучину, образует петлю так, что стойбище было с трех сторон окружено рекой.

Почва была покрыта толстым слоем мха как подушкой. Росли кусты черники и других ягод, на старых деревьях-кедрачах свисал бородачатый лишайник, белели мощные столбы старых берез. Слева, с краю поляны, стояло несколько чумов.

Нас пригласили к чаю. Мне предложили расположиться справа от входа, но ближе к середине. В центре горел небольшой костер. Закипел чайник. Вдоль стен на земле были постелены шкуры оленей, закрытые сверху пестрыми одеялами и еще какими-то тряпицами. Сидеть мягко, так как под шкурами толстый слой мха, на котором стояла юрта. Между юртами видны тропинки.

Начались разговоры, расспросы о целях нашей экспедиции. Хозяйка принесла оленьё молоко, которое наливали в чай большими деревян-

* Печатается, в сокращении, по тексту альманаха «Вечное кочевье», № 2, 1996. Профессор Т.Н.Гагина в 1950 г. находилась на реке Куте, в верховьях Лены, в экспедиции по изучению бобров.

ными ложками. Молоко очень густое, как хорошие сливки. Мне очень понравилось. Свежий домашний хлеб был необыкновенно вкусным. Пекут его сами, небольшими булками, круглыми как в деревнях. Для выпечки хлеба у них в наиболее пригодных местах на чистом склоне устраивается в земле печь. В миниатюре напоминает «русскую», но только без шестка. Ее топят специальными дровами, не каждое дерево для того годится. А затем в прогоревшую, хорошо натопленную печь высаживают поднявшийся хлеб. Мне показали такую печку. Я бы никогда не подумала, что в такой пещерке можно выпекать такие вкусные булки.

Вся посуда, кроме кружек и небольшого числа обычных мисок, делается из березовой коры — бересты. Молоко северных оленей, что мы пили, принесла хозяйка в березовой посуде квадратной формы, высотой в 10–15 см и шириной сантиметров сорок, если не больше. Деревянные ложки для разных надобностей выстругиваются тоже из березы.

Рыбу засаливают в особых «чумаках» тоже из березовой коры. Мальчик по просьбе отца принес такой чумак с солеными сига́ми, он был уже значительно глубже — до 20–25 см. Хранить продукты в тайге севера не трудно, ведь под слоем толстого мха залегает вечная мерзлота — естественный холодильник. Так же хранится и мясо, для лучшей сохранности от мух слегка подсоленное и подкопченное над специально устроенным костром.

Я вышла из юрты побродить, осмотреть повнимательнее стойбище. Здесь стояли четыре юрты. Сверху остов обтянут березовой корой, большими мягкими листьями, положенными и укрепленными так, что никакой дождь не промочит, хоть неделю будет лить.

Для младенцев обычно шьется особая люлька, тоже из березовой коры. Если ребенок родится зимой, его обтирают снегом, пеленают в чистые тряпочки-пеленки и кладут в такую люльку. На дно насыпается слой мягких мелко перетертых частиц от трухлявого пня или дерева. Малыш долго остается сухим, так как все впитывается. Зимой, как мне рассказали, да и летом во время передвижения такую люльку приторачивают сбоку к оленю и дитя спокойно спит, укачиваемое равномерным шагом оленя. Если потребуется пеленки сменить, его разворачивают, протирают запачканные места (зимой снегом) и, завернув, кладут снова. Дети растут крепкими и не болеют.

Одного боятся эвенки — заразных болезней, особенно кори и оспы. Этим пользуются усть-кутские да и другие недобросовестные люди. Зная, что после промысла эвенки могут появиться из тайги с пушниной или мясом, они выезжают им навстречу. Увидев на берегу местного мужика, наивный эвенк подъезжает к нему. Начинаются разговоры, а эвенк обязательно спросит, а как дела в поселке, нет ли какой болезни. Вот тут-то ему и говорит «друг»: «Ой, там совсем плохо, корь, дети мрут». Эвенк опечален. Как быть? Тогда ему этот «добродетель» предлагает свои услуги. Куплю, мол, все, что везешь, чтоб тебя выручить, но за хлопоты надо и уплатить. Эвенк рад хоть за полцены отдать весь товар, лишь бы не ехать в поселок. А у «друга» находится немного муки, крупы, соли, пороху или еще чего-нибудь. И вроде бы все это случайно. Эвенк и этому рад.

Эвенки нашего стойбища жили по законам своих предков. Правда, скудно, но всего пять лет как война кончилась. А так бы им дать материи хорошей, бисера и других украшений..., радиоприемник — и были бы они вполне довольны. Они не вступали в колхоз и всячески избегали его, а как только к ним нагрянут с приглашением к колхозной жизни, собираются все тихонько и откочевывают в неизвестном направлении в удаленные места или в соседний район. Пока найдут! А там можно и снова куда перебраться. Вот так и жили они, сохраняя по возможности свой уклад.

— А где ваши олени? Хотелось бы на них посмотреть, — спрашиваю хозяина.

— Вчера их перевели на другое стойбище. Приехали бы раньше, показали бы. Сейчас они далековато, сходить не успеем, скоро ехать, — ответил он.

Живут эвенки здесь действительно в стерильных условиях обширной тайги. Не более десяти дней пробудут на этой поляне, а затем на новое место. Женщины на стойбище были одеты в обычные ситцевые или сатиновые платья и длинные штаны, которые спасали от гнуса. Их было всего пять-шесть, две из них беременные. В больницу рожать не ездят. Здесь надежнее и чище.

Стало темнеть, а в лесу темнеет особенно быстро. Сидим в юрте вокруг костра. Ведем разговоры, пьем чай. Надо и спать устроиваться. Костер уже притушен. Мне приносят две шкуры, пуховую подушку и ватное одеяло. Все ложатся по кругу вдоль стенки юрты. Было тепло и мягко. Через отверстие в куполе видно темное небо и блестящие звезды. В костре тлеют угли и иногда показывается слабый огонек. Когда же варился ужин, дым заполнял вверх наполовину все помещение; только пригнувшись, или сидя, можно было не ощущать его. Снаружи гудят комары, но сюда проникнуть не могут: сверху невозможно, дверь же плотно занавешена.

Я сразу заснула. Проснулась от того, что снаружи слышался громкий разговор. Было раннее утро, но в чуме горел яркий костер.

На траве и кустах — роса, тихо течет Ялыка среди свисающих кустарников, местами берега заросли высокими злаками и осокой. На берегу небольшая берестяная лодка, только корма слегка опущена на воду.

Речка неширокая, течение до того медленное, что если не грести, лодка сама останавливается. Кроме нас троих, членом нашего экипажа был еще и пес, старый и верный помощник нашего проводника. Буска — так звали собаку — сразу занял свое место на носу лодки и изредка поглядывал по сторонам. Это была нечистокровная лайка, одно ухо у ней висело да и хвост далеко не лаячий, зато опытной и лучше зверовой собаки не найти.

Эвенкийская берестянка

На другой день Анатолий с лошадьми отправлялся в обратный путь в деревню. Нам предстояло уже на лодке спуститься дальше по Ялыке до ее устья и выйти в Куту. Но прежде надо было заняться размещением нашего

не очень громоздкого груза на этой небольшой берестяной лодочке.

В этих «берестянках» русское население плавать не решается, лодка, хоть и легкая, очень верткая и кажется весьма ненадежной. Однако мне она такой не показалась, так как с детства привыкла все лето проводить на Ангаре у самого Байкала, а подниматься вверх по этой грозной и быстрой реке можно было только стоя в лодке, при помощи шеста. Так что такое передвижение по Куте на быстринах и перекатах мне даже приятно и хорошо знакомо. Хотелось и показать нашим мужчинам свое умение ходить на шесте, особенно проводнику-звенку. На тихих и глубоких плесах мы гребли по очереди двухлопастным веслом.

Мне повезло, что пришлось близко познакомиться с некоторым бытом звенков, которые не были приписаны к колхозу, а жили в какой-то степени вольно.

На этой легкой берестянке мы быстро скользили вверх по реке. Лодка делается из кусков березовой коры, снятой с крупных деревьев. Затем эти куски подвергаются специальной обработке в растворе горячей воды, то есть кора проваривается определенное время. Каркас лодки строится из тонких, узких деревянных полос, затем обшивается кусками коры, сшитыми между собой лыком. На дно лодки кладется специальная подставка для груза и ног, чтобы не продавить дно лодки.

Как-то на одном из перекатов мы первый раз наскочили на острый камень и распорили дно лодки, вода медленно стала проникать и накапливаться на днище. Наш Афанасьич, как мы его обычно звали, направил лодку к берегу.

— Вытаскивать надо вещи, — сказал он. Пришлось выгружать все на берег. Лодку перевернули. Порванное место сначала и не заметно, края сошлись. — Надо лыка хорошего, вот от того куста. — И звенк стал сдирать с куста ивы волокна коры. Мы помогли ему, но наши волокна оказались неподходящими.

Затем он развел небольшой костер. Пока огонь разгорался, он зашил пробитое дно лодки лыком. Потом достал из своего мешка кусок какой-то твердой, как камень, палочки длиной см 20 и 3–4 см толщиной. Выбрав в костре несколько красных углей, звенк стал разогревать на них конец палочки-замазки. Красные угли с небольшим огоньком разогрели замазку, и она стала совсем мягкой, растопилась на конце. Осталось теперь промазать шов, чтобы вода не попадала в лодку. Я потрогала починенное место, оно было еще чуть теплым и твердым, по цвету напоминая олово или свинец. Перевернули лодку, сложили вещи. Теперь можно продолжать путь.

Чем выше поднимались мы по реке, тем чаще чинили лодку, и она снова становилась такой же крепкой и эластичной. Иной раз видишь, как берестяное дно прогибается на подводных камнях. Одно было удивительным — починенное место никогда больше не рвалось.

На тихих и длинных плесах, где течение почти незаметно, приходилось идти на веслах. Весла у звенков легкие и удобные, двухлопастные. Гребешь, сидя как на байдарке, но здесь для весла нужен упор. Им служит собственное колено. При этом одна нога вытянута, другая согнута и служит своеобразным упором. Так гребут звенки, и это очень удобно.

Сохатый

Река повернула на юг. Кряк, кряк... закрикали утки и, хлопая еще неоперенными крыльями, скрылись в густой осоке. Проводив их взглядом, я продолжаю наносить маршрут на карту, которую снимаю с помощью нехитрых приборов. Огибаем небольшой мысок, заросший осоклой, как вдруг эвенк прошептал: «Сохатый!», — быстро нагнулся в лодку и схватил берданку.

Впереди шагах в 200 от нас по колено в воде стоял великолепный лось. Это был крупный и красивый самец с большими рогами. Заметив людей, он направился к берегу. Пройдя несколько шагов, зверь на секунду остановился, повернув к нам голову. Яркое солнце заливало крутой берег, тайгу и зверя. Раздался выстрел, затем второй. Сохатый рванулся вперед, двумя прыжками вскочил на крутой берег и медленно скрылся в тайге.

— Эх, промазал, промазал, — взволнованно говорил эвенк, — патрон заел, я третий раз уж не мог стрелять. — Он бросил винтовку на дно лодки, осыпая ее потоком чисто русских многоэтажных изречений. Убедить его, что зверь ранен, было почти бесполезно.

Буска беспомощно вертел головой, но без разрешения хозяина не смел подавать голос.

— Буска, вперед! — тихо приказал эвенк и, нагнувшись, отвязал собаку. Буска прыгнул в воду и быстро поплыл к берегу. Мы подъехали к тому месту, где недавно стоял сохатый.

— Ждите меня здесь, — выскакивая из лодки, сказал охотник, — я посмотрю следы. — И, передернув затвор винтовки, исчез в тайге.

На крутом берегу виднелись глубокие следы зверя. Я поднялась по склону. Следы вели в глубь леса.

Прошло много времени. Солнце постепенно спускалось к невысоким горам. С запада надвигались темные тучи. Вдруг зашуршала трава, раздвинулись кусты тальника и на берегу появилась сухощавая фигура эвенка.

— Собака лает, слышишь? — задыхаясь от быстрой ходьбы и волнения, проговорил он. Я прислушалась, но ничего не было слышно, ни единым звуком не нарушалась тишина дремучей тайги.

— Он ранен, есть кровь на траве, далеко не ушел, — продолжал эвенк. — Федя! Возьми винтовку и мою пальму, а вы не забудьте фотоаппарат, — наставлял он.

Привязав покрепче лодку, мы углубились в тайгу и придерживались хорошо заметных следов зверя. Сохатый был тяжело ранен, уходил шагом. В тайге сыро и темно, хотя солнце еще было над лесом. Эвенк шел впереди легко и быстро, как дикая косуля перепрыгивая через полусгнившие и скользкие стволы деревьев, а то перескакивая с кочки на кочку. Несмотря на привычку ходить по тайге, я с трудом поспевала за ним. В таком же темпе шел за мной и Федя.

— Слышите, собака лает? — остановившись, снова спросил нас эвенк, но кроме биения собственного сердца и стука в висках от этого марафонского бега я ничего не слыхала.

Вскоре лес стал редеть, среди елей появились небольшие березки и кое-где одинокие лиственницы, да на буграх, поросших брусникой, возвышались высокие кедры. Зеленая трава сменялась темным, почти коричневым мхом. Идти стало трудно. В мягком мху ноги утопали по колено, в сапогах хлюпала холодная вода.

Только теперь стал слышен лай собаки. Мы побежали. Вдруг лес кончился. Впереди раскинулось топкое болото, заросшее по краям мелкими кривыми березками. Мы невольно остановились. По ту сторону болота виднелась темная фигура сохатого. Раненый зверь медленно поворачивал голову в сторону яростно нападавшей собаки. Чтобы не испугать его раньше времени, мы отошли назад и, прячась за березки, обошли стороной болото. Сохатый был рядом, он давно заметил нас, но оставался на месте. Топкое болото не выпускало свою жертву. Красивое сильное животное теперь казалось жалким и беспомощным, Глаза его были безумны, широко открыты и следили за каждым движением людей и собаки.

Раненый зверь завяз по самое брюхо в трясине и напрасно старался выбраться, поднимая то одну, то другую ногу, но они безнадежно соскальзывали в размешанную им самим грязь. На бедре и ниже лопатки видна была кровь.

— Надо помочь ему выбраться из ямы, а то мы не вытащим его отсюда, — обратился к нам эвенк.

Пока я фотографировала сохатого, заходя с разных сторон, Афанасьич, ловко взмахивая пальмой, срубил несколько берез, выбирая потолще, чтобы их подsunуть под ноги зверю. И все же мне эта идея не очень понравилась. Сколько я слыхала о раненых зверях и не только сохатых, когда животное в ярости нападало на охотника, смешивая его с грязью и убивая.

Обсудив мои опасения, что сохатый может уйти в лучшем случае, решили не испытывать судьбу. Двумя выстрелами из тозовки убили зверя.

Солнце садилось и красным заревом освещало вершины деревьев, болото и суетившихся на нем людей. Острым, длинным ножом, который эвенк всегда носил на поясе, он разрезал шкуру на крестце зверя и раздвинул ее руками.

— Жир есть, но мало. — Афанасьич был доволен, улыбка не сходила с его лица.

Ловко орудуя пальмой, эвенк одним легким ударом перерубил наискось березу. Затем надо было подтолкнуть ее под брюхо сохатого. Даже вытащить из грязи в этой трясине ноги сохатого оказалось нелегко. Когда Федя поднял ногу лося над ямой, с нее стали падать огромные черные пиявки, насосавшиеся крови. С большим трудом удалось оттащить зверя в сторону от ямы.

Солнце скрылось за лесом, начали сгущаться сумерки. Нужно было до темноты вернуться к берегу, а мы все еще по колено в воде и крови свежавали сохатого. Мы сняли шкуру и отложили ее в сторону. Эвенк, орудуя ножом, по частям разделал зверя на куски. Ловким движением отделил голову, вынул внутренности и обрезал жир с кишок, остальное бросив собаке.

Стало совсем темно. Отложив в сторону большие куски мяса, эвенк остальное завернул в шкуру, чтобы на другой день вернуться за ним. Взвалив на плечи по тяжелому стегну сохатого, мужчины помогли мне поднять и надеть на спину понягу, в которой было 25-30 кг мяса. Эвенк шел впереди прямо через болото. От каждого шага на несколько метров вокруг все колыхалось. Срубив заранее длинные жерди, он отдал их нам, сказав, что если кто провалится, нужно класть этот шест плашмя и держаться за него, чтобы не утонуть в трясине. Правда, я часто нащупывала под водой, опираясь на палку, вечную мерзлоту почвы. Вода доходила почти до колен. Наступая на пучки растений, выбирая для следующего шага место покрепче, мы благополучно миновали опасное болото. До берега реки оставалось еще около трех километров. На севере летом полной темноты не бывает, всегда можно различить, особенно на воде, все препятствия. Отдыхали мы несколько раз, пока добрались до берега Куты и нашей лодки. Решили здѣь заночевать.

— Эх, сегодня уматычивать будем! — потирая руки и предвкушая хороший сытный ужин, говорил Афанасьич.

— А что это значит? — не поняла я.

— Это «мозговать» по-русски, то есть мозг есть будем.

Весело запылал костер, потрескивали сухие ветки, и искры взлетали высоко в небо, как будто застревая где-то в вершинах старых елей. Тайга казалась совсем черной. Собака подошла к нам и, посмотрев в темноту, спокойно растянулась на мягкой траве.

— Сегодня по-своему все сделаю, — говорил эвенк, суетясь около костра. — Кашу варить не будем.

Эта пшенная каша надоела нам порядком. Мы ее варили три раза в день!

Закипела вода в большой кастрюле с мясом. На выструганных палочках перед костром жарились шашлыки, и пар струйками вырывался из кусков.

— Теперь уматычивать давайте! — пригласил эвенк и, содрав с ноги кожу и тонкие пленки, одним ударом расколот берцовую кость лося пополам. Затем вытряхнул мозг на тарелку из бересты, и, ловко нарежая кусочки сырого мозга, отправлял их в рот. Это доставляло ему особое удовольствие. Чтобы не обидеть нашего проводника, пришлось съесть кусочек сырого мозга да еще без соли. Мне такое кушанье не очень-то понравилось.

— А давайте сварим, будет вкуснее, — предлагаю я. Но эвенк считал, что портить этот ценный продукт никак нельзя. Ради удачной охоты я предложила Федору достать из НЗ наш небольшой запас спирта и угостить Алексея Афанасьевича. Они с Федей немножко выпили, я только пригубила. Когда Федор предложил эвенку еще, к моему удивлению тот отказался.

Проголодавшись за день, съели почти все приготовленное — кастрюля мяса, три шашлыка, весьма солидных, — все исчезло, как и не бывало.

— Стрелять сохатых больше не будем. Ни самца, ни самку, даже если и близко увидим, — говорил, глядя на огонь, эвенк.

На следующее утро, быстро позавтракав, мы отправились за ос-

татками мяса, оставленного за болотом. Издали показался оставленный череп лося. Мне хотелось увести его как трофей, но он был неподъемный. У меня не хватало сил поднять его. Теперь было заметно, что кожа на рогах продырявлена как сито. Из многочисленных отверстий высыпались в грязь личинки оводов.

Наша небольшая берестянка не смогла бы вместить весь груз, и эвенк решил половину мяса оставить здесь. Для этого они с Федей в стороне от реки устроили на вечной мерзлоте под слоем мха природный холодильник, куда и спрятали половину лося. Остальное погрузили и снова троюлись вверх по реке. К обеду подплыли к удобному мысу. Эта каменисто-галечная отмель открыта ветрам и солнцу. Вот тут-то и решил проводник показать нам еще одну премудрость — вялить мясо!

Предварительно его просолив и нарезав на куски, мы стали помогать нашему охотнику в просушке и копчении мяса. Им были сооружены специальные сушилки из жердей. На двух подпорках укреплялась перекладина. Под нею разжигался костер. Огонь и дым сушили и коптили мясо. Эвенк только проверял его готовность. Ветерок на мысу отгонял мух, которые почуяли лакомство.

Теперь у нас был большой запас мяса, достаточно пшенной крупы, чага и соль. Хлеб и сахар дажно кончились, и мы не вспоминали о них. Стол разнообразили рыба и ягоды.

Еще об эвенках

Семья эвенка Алексея Афанасьевича Подгорбунского была небольшая. Рассказывал он о себе мало. Жена, видно было уже хорошо, ждала ребенка. Были у него и еще дети, но не суждено им было жить. Както поднимаясь вверх по Куте, немного выше Ялыки, он с грустью рассказал о смерти сына и показал на вершину дерева.

— Там, на склоне, где высокие сосны, сын у меня похоронен. Маленький еще был. Мы на деревьях хороним, — пояснил он. Действительно, что-то светлое, похожее на деревянные доски, просвечивало сквозь ветви старой сосны. — А девочка у меня дальше находится, доедем, покажу где. У ней температура была большая, горела она вся. Корь была.

Эта страшная болезнь и очень заразная косила не имевших иммунитета жителей тайги и удаленных поселков. Было грустно и обидно за этих людей, они так упорно хотели сохранить свой быт, свою культуру. Но идеи Советской власти сделать эвенков оседлыми сулили им только гибель, и они это хорошо понимали. Поднимаясь вверх по Куте после деревни Каймоново, я встретила на берегу молодых женщин-эвенкиек. Хотелось раздобыть здесь у местного населения пару унтов. Говорили мне, что у эвенков можно купить.

— Здравствуйте, — приветствовала я их. Они, улыбаясь, ответили мне тоже. Разговорились. Я спросила, не могут ли они мне сшить унты. У них готовых не было.

— Можно, можно, сошьем, только водку надо.

— А на деньги сошьете? Я уплачу. На обратном пути будем здесь проезжать и расплатимся.

— Денег не надо — нам водку надо, — ответила молодая эвенкийка. — За деньги шить не будем.

Это были эвенкийки-колхозницы, отправленные на Куту по какому-то делу, кажется, на сенокос. Договориться с ними так и не удалось.

Кочевые эвенки к водке относились иначе. Вспоминается тот случай, изложенный раньше, когда мы освеживали сохатого. Уставшие после перехода по топкому болоту, мы сидели у костра и смотрели, как эвенк поворачивает то одним боком, то другим большие куски мяса — шашлыки, из которых вытекал и шипел сок.

— Наверное, угостить надо Афанасьевича, — вполголоса сказала я Федору, — у нас ведь где-то бутылка.

Федор быстро достал спрятанную бутылку со спиртом и предложил налить нашему охотнику. Тот налил, разбавил водой и выпил, но когда Федя предложил еще, то он сказал:

— Нет, я не буду пить, мне не надо, — и кружку он отставил в сторону. Я удивилась, но бутылку пришлось убрать, едва початую.

Но как-то в августе, мы уже добрались до вершины Куты, где вода была так мелка, что местами на шиверах приходилось передвигаться, вылезая из лодки, с эвенком случилась неприятность. Через каждые два часа приходилось поворачивать берестянку к берегу, и наш Афанасьич исчезал в кустах. Было очевидно, что плохо у него с кишечником. Но чем мы могли помочь? Лекарств мы с собой почти никаких не взяли. Снова пристаем к берегу. Афанасьич вылез из лодки, но не убежал, а подумав, сказал:

— Вот тогда вы мне водку предлагали, я не взял. А сейчас мне для лекарства надо, — попросил он. Из леса он принес измельченных листьев, каких-то корешков, насыпал соли и все это залил спиртом. Затем добавил из речки немного воды и приготовленное зелье выпил.

— Теперь можно ехать, — забираясь в лодку, сообщил он.

И действительно зелье помогло, и мы ни разу до самого вечера не останавливали берестянку.

Annotation

T.N. Gagina. Evenks From Kuta River (The upstream of Lena).
— Taltsy, № 2(4), 1998.

The author is a ranger who once studied beavers- and it was in 1950 when he took part in a voyage to Lena upsteam where he could study the every day life of evenks. Notes on the voyage tell us about the unusual group of evenks who had not been involved into collective forms of work and consequently had preserved ancient traditions of nomadic life. The researchers notes point out the difference in everyday life, behaviour and ideas of evenks and their relatives in comparison with those who used to work in collective farms and lived in settlements.

Аннотация

Т.Н. Гагина. Эвенкил бирадук Кутадук (Лена бира гадяктукин).
— Тальцы, № 2(4), 1998.

Дукуча — бултаваэ ичечимни экспедицияду 1950 анганиду ичетэ эвенкил инмэтын, индеривэтын амаскиптыт тадук нулгиктэдеривэтын энэл ода лучалдула, тадук эвенки. Луча индулэн индерилдулэ гулэлду.

ТАЕЖНЫЕ ВСТРЕЧИ С ЧИЛЬЧАГИРАМИ

*Станислав Андреевич Гурулев,
ученый секретарь музея «Тальцы»*

На Верхней Ангаре, текущей в Северный Байкал, издавна жили и живут эвенки – киндигиры (в низовьях) и чильчагиры (в среднем и верхнем течении реки). Занимаясь в далеком прошлом охотой, оленеводством, рыболовством, эвенки в советское время были сначала организованы в артели и производственные объединения, а затем — в колхозы. Как до колхозов, так и после эвенки активно участвовали в ряде побочных промыслов, приносящих им доходы. Одним из таких промыслов была сдача в аренду геологическим партиям оленей и участие оленеводов-каюров в транспортных работах в тайге и горах. Олень отлично приспособлен к работе в любых горно-таежных условиях. Его высокая проходимость, особенно по бездорожью, компенсирует небольшую грузоподъемность. В силу этого олени устраивали геологические партии больше, чем лошади (вертолетов в то время не было). Эвенкам-олeneводам приходилась по душе работа с геологами.

В 1953 г. к нам в геологическую партию, работавшую в северной части Баргузинского хребта, по реке Светлой и ее притоку Намаме (бассейн Верхней Ангары), были прикреплены эвенки-каюры с 15-ю оленями. Эвенков было трое: Александр Павлович Тулбоконов, лет 40, старший группы; Иван Александрович Ержин, лет 60; Мария Тулбоконова, жена Александра Павловича, лет 30. Все они были жителями поселка Уоян на Верхней Ангаре, из колхоза имени Калинина.



Слева направо: А.П. Тулбоконов, М. Тулбоконова, И.А. Ержин. 1953 г. Фото И.С. Ломоносова

Олени, свободно отпускаемые на пастьбу, особенно если партия задерживается на одном месте на несколько дней, разбредаются и порою уходят очень далеко. Они летом любят есть грибы. И если олень где-нибудь во время пути попробовал грибов, то он снова уйдет туда, несмотря на расстояния. Поэтому оленей приходится искать, затрачивая на поиски и день, и два, и порою больше. На поиски оленей обычно отправлялся Александр Павлович, как более молодой. Иван Александрович уже плохо ходил, у него болели ноги. А Мария за оленями не ходила никогда, ее обязанности заключались в приготовлении пищи на всех троих, в печении в горячей золе пресных лепешек, в присмотре за скарбом.

Оба эвенка были вооружены. У Александра Павловича имелась малокалиберная винтовка, у Ивана Александровича — старинная бердана, доставшаяся ему от отца. Летом, примерно в июле, Александр Павлович добыл лося. Большую часть мяса эвенки продали нам по заранее согласованной цене, часть оставили себе на пропитание.

Вечерами, когда все необходимые работы сделаны, вся партия вылезала из своих палаток и собиралась у костра. Рассказывали все, что могли, пели, веселились. Эвенки в этом никогда не участвовали. Они селились всегда в отдалении. Но мы, особенно студенты, которых было человек пять-шесть, часто посещали эвенков, в основном для разговоров. И вот как-то кто-то из студентов задал Ивану Александровичу очень неприятный для него вопрос. Мол, вот Александр Павлович добыл сохатого, а что же вы, Иван Александрович, разве не охотник? Эвенка это злило, он начинал громко говорить, что он в жизни добыл много зверей. Но сколько он не говорил, размахивая при этом руками, доказательств у него не было, не то, что у Александра Павловича, — мясо. И чтобы доказать свою правоту, старый эвенк прибежал к последнему своему доводу. Он вытаскивал из-под старенького брезента свое ружье — бердану. И, развернув ее левой стороной к собеседнику, показывал на прикладе пять вырезанных ножом полосок, состоящих из различных значков. Сверху шли полосой значки в виде прямого креста — это лось, ниже значки из косоугольного креста — это изюбр, значки в форме галки изобразили дикого оленя, прямая полоска, сверху широкая, книзу сходящая на-нет, — это кабарга, и самый нижний ряд из косых полосок — это табарган. «Вот сколько я добыл зверей, — торжественно заявлял Иван Александрович. — Вот это кабарожка, добыл на речке Котере. Крупная была, жирная, мясо вкусное». И если собеседник сомневался в этом, то старый эвенк, сердясь, указывал, что вырезанная зарубка глубже и шире всех других. Глубина зарубки означала жирность зверя, а ширина — его крупность.

Эвенки отказались от обычных палаток и жили под двумя старыми брезентовыми тентами, наброшенными на тонкие колья, воткнутые в землю наклонно. Постелью у них служили оленьи шкуры. Укрывались они старыми легкими одеялами. Одежда их была русской — поношенные пиджаки и брюки, рубашки. Исключением лишь были легкие кожаные самодельные полусапожки с короткими голенищами, подвязываемые у щиколоток тонкими ремешками. Александр Павлович порою носил и простые кирзовые сапоги, в какие мы все в партии были обуты.

Питались эвенки отдельно от нас, хотя у нас был общий стол (утром и вечером) и работала повариха. Здесь напрашивается простое объяснение: наша еда их не устраивала. Из продуктов под запись с последующим вычетом из зарплаты они брали самое необходимое — муку, сахар, чай, сливочное масло. Из муки Мария пекла ежедневно две-три пресные лепешки в горячей золе костра. Однажды, придя вечером к



ним для какого-то разговора по нашим делам, я застал за ужином только Ивана Александровича; Александр Павлович с Марией эту обязанность уже выполнили и тихо сидели у общего костра, о чем-то беседуя. Иван Александрович ужинал у своего балаганчика. Перед ним над костром на рожне жарилась небольшая пластина сохатины. Повертывая рожень, он отрезал ножом от мяса полоску со стороны огня. С одной стороны полоска была прожаренной, а с другой с нее текла сукровица и даже кровь. Он обмакивал мясо в топящийся и потрескивающий жир на сковородке, стоящей на горячих красных углях, поворачивал в жире полоску и так, и эдак, то одной стороной, то другой, и вкусно, с аппетитом, ел. Перед ним у огня стояла также кружка с горячим чаем и лежал небольшой кусок лепешки, от которого он изредка откусывал.

Эвенки из еды предпочитали, конечно, мясо, свежее. Мясных консервов они всячески избегали, используя их лишь при крайней необходимости.



**А.П. Тулбоконов с оленями. 1953 г.
Фото И.С. Картошкина.**

Когда Иван Александрович показывал обозначения убитых им зверей на прикладе своей берданы, он хвалил и звериное мясо. Оно, кстати говоря, распределялось им прежде всего по размерам добычи, то есть по количеству чистого мяса. И ряды значков это отчетливо показывали — больше всего мяса по-

ставлял лось, затем изюбрь, дикий олень, кабарга, тарбаган. Но когда Ивана Александровича спрашивали о самом вкусном мясе, то он на первое место ставил мясо тарбагана.

Когда мы уже закончили работу, в последних числах сентября, и нам надо было выезжать, эвенки добыли зверя. Да не одного, а целых пять диких оленей. Возвращаясь с последним грузом на старый золотой прииск Чипчикон — нашу базу при полевых работах, они наткнулись на пасущихся диких оленей. Скрадывал и стрелял зверей опять же Александр Павлович. Все они задержались возле убитых зверей, освежевали их, а затем довели наш груз до прииска. Надо было видеть, как входил на прииск Иван Александрович. На этот раз он шел первым. И вовсе не шел, а танцевал на ходу, вскидывая по-очередно и руки, и ноги. И что-то выкрикивал. На этот крик и высыпала вся наша партия из домов и собралась вокруг эвенков и оленей. На одном из оленей была привьючена полутуша зверя, а сверху еще лежали, привязанные, огромные оленьи рога. Особенно всем надоедал Иван Александрович, рассказывая в мельчайших подробностях, как увидели зверей, как их скрадывал Александр Павлович, как стрелял, как свежевали мясо, как стаскивали его в одно место. Александр Павлович был весьма сдержан, ничего особо не говорил, отвечал лишь на вопросы. И когда один из студентов заметил Ивану Алек-

сандровичу, что ему-то нечего радоваться, так как зверей стрелял вовсе не он, то он возмутился такому замечанию, граничащему с оскорблением. И я только сейчас осознаю всю правоту его тогдашнего возмущения. Мы, городские жители, давно оторвавшиеся от своих родовых и общинных истоков, далекие от тайги и ее извечных законов, не можем и не желаем понять, что добыча по законам тайги принадлежит не только тому, кто стрелял зверя, но и тому, кто при этом присутствовал. И эти законы тайги вытекали из основ родовой близости людей, близости, которую мы безвозвратно потеряли.

Следующая встреча у меня произошла только с Иваном Александровичем. Но еще до встречи с ним я познакомился с одним необычным эвенком. В августе 1958 г. я и студент Саша Бухаров выезжали в новую геологическую партию, работавшую на поисках молибдена в Верхнеангарском хребте. Отплывали мы из Нижнеангарска до Уояна на барже, которую тасил вверх против течения Верхней Ангары на буксире катер. В деревне Верхняя Заимка, населенной русскими, к барже прицепилась небольшая лодка. Хозяин ее — среднего роста, крепкого телосложения, с густой рыжей бородой мужик — перебрался сразу же к нам на баржу, оставив в лодке молодую девушку с книжкой в руках. Когда катер оттащил баржу на середину реки, мужик несколько ослабил у лодки буксирную веревку, чтобы лодку меньше качало волной, идущей от кормы баржи. Вскоре мы с ним разговорились. Едет вместе с дочерью на сенокос. С ружьем — надо добыть сохотого. На наше замечание, что сейчас не сезон для охоты и что на отстрел сохотого нужна лицензия, он быстрой скороговоркой ответил, что ему лицензия не нужна, потому что он — эвенк, ему разрешено добывать любого зверя в любое время года, разрешено и мясо продавать на рынке, ну хотя бы в том же Нижнеангарске. При его заявлении, что он эвенк, я громко рассмеялся. Ну никак эвенк, в моем представлении, не вязался с яркой рыжей окладистой бородой и копной рыжих волос на голове. Эвенка в нем выдавала фигура — особенно кривые ноги и чуть развалистая походка. Мужик мне ничего не ответил, но сказал, что фамилия его русская — Черных. Чистым эвенком был его дед, женатый на русской женщине. Мать его — тоже русская. Записан он эвенком по отцу. Дочь его, что в лодке, старшая, учится в Ленинграде в институте малых народов Севера, куда она была принята без экзаменов, окончив среднюю школу в Нижнеангарске. Он подчеркнул, что обучение в институте бесплатное.

В протоке Танчанда, куда по его просьбе зашел катер с баржой, рыбебородый эвенк Черных отцепил лодку от баржи и на гребях пошел к берегу — тут у него покос.

Когда баржа пристала к берегу в Уояне, мы с Сашей быстро разыскали базу партии. На следующий день я один пошел по поселку с намерением встретиться со своими старыми знакомыми. Но никого из них в поселке не оказалось — все работали в тайге. Уоян — тогда небольшой поселок из новых добротных домов, построенных в две-три улицы. Сразу бросалось в глаза, в отличие от русского поселения, что люди здесь не занимались каким-либо хозяйством — коров немного (здесь жило несколько семей русских), свиней и кур совсем не видно, огородов по-

чти никаких. Здесь в начале 1930-х годов организовалось промышленно-производственное объединение «Омакта иинунди» («Новая жизнь»). В объединение съехались эвенки-чильчагиры из верхнеангарских деревень Кумора, Ченча, Иркана. В 1950 г. на базе объединения был создан колхоз имени Калинина.

Через два дня нас с Сашей переправили на лодке на правый берег Верхней Ангары. И мы, прошагав по тропе километров двадцать, пришли к концу дня на перевалочную базу. Свежестроенный склад для продуктов и снаряжения, большая палатка с раскладушками для приезжающих и приходящих, небольшая палатка для пожилой женщины-поварихи — вот и вся база. Геологическая партия, в которую мы направлялись, работала высоко в горах. Партию обслуживали эвенки-оленоводы из Уояна. Недалеко от этого места, ниже по ручью, был палаточный склад для ВВ (взрывчатых веществ — аммонита, необходимого при горных работах). Склад был кое-как обтянут колючей проволокой, а у входа в него стояла небольшая палатка. Вот в ней-то и жил Иван Александрович Ержин, выполняя обязанности сторожа при складе.

Встретились мы с ним ближе к вечеру, когда он пришел ужинать. Встреча была теплой, как это бывает у старых знакомых. Взаимные расспросы, рассказы. Спустя пять лет, он, конечно, не помнил всех по именам и фамилиям. И когда спрашивал меня, то сначала говорил о приметах человека. И ведь никого из партии 1953 г. не забыл, всех помнил, хотел знать о них. О себе говорил мало. Признался, что совсем постарел, ноги уже плохо ходят. Больше ни на что не жаловался. Из-за ног его не берут к оленям. Но вот договорился сторожить склад ВВ. Ходить не надо. Живет отдельно в палатке. Раз в неделю его беспокоят, когда оленеводы получают и увозят отсюда аммонит. Платят ничего, — жить можно. Сын Алексей и Александр Павлович Тулбоконов с Марией работают на оленях в геологической партии, но не в этой, а в другой.

Спросил я его и о бердане. Бердану у него отобрал милиционер. Попался он ему как-то на глаза с ружьем. А на ружье-то у него никакого разрешения не было, потому что его подарил ему еще отец. Ехать в райцентр, хлопотать о ружье — на это у него не было сил. Да и за всю жизнь он никуда не выезжал, о паровозе и железной дороге только слышал рассказы других да смотрел картинки в журналах, самолеты видел только в небе.

Вот так, разговаривая, мы сидели все вчетвером у потухающего костра, медленно потягивали из кружек чай после сытного ужина. Вечер был тихий. Начало смеркаться.

И вдруг вскочил лежавший у костра щенок, собственность Ивана Александровича, и стремглав бросился за большую палатку. И за палаткой завизжало, захрюкало, заревело. Мы все опешили, и эвенк тоже. Но вскоре пришли в себя. Прежде всего подбросили в угасший костер дров и быстро раздули пламя. Слышим, щенок далеко не ушел от палатки и лает под ближайшими лесинами. А дальше от него, и это слышно, ходит зверь, ломает ветки и сучья и ревет. Оказывается на нас вышла медведица с двумя медвежатами.

Спрашиваю у Ивана Александровича, есть ли у него ружье. Ружье

есть, но плохое, дробовик-одностволка, зарядов почти нет никаких. Да и ружье осталось в палатке, а до нее метров триста. И хотя это в другую сторону от ревущей медведицы, идти туда все равно опасно. Так мы решили оба. Да и темнота опустилась плотная. Отойдя за край палатки, мы различали два комочка на лесинах — то сидели медвежата. А под ними щенок. А дальше в лесу медведица-мать.

Медведица раза два приближалась к щенку, пытаясь выручить своих детенышей. Но щенок бросался смело на нее, и она убегала, ломая ветки и сучья. Щенок несколько раз прибежал к костру. Вся шерсть на шее, загривке и спине, вдоль хребта, у него торчала торчком. Иван Александрович легкими движениями ног отгонял щенка от себя, направляя его туда, за палатку, говоря при этом что-то на своем языке.

Все это продолжалось часа два, а затем стало стихать — медвежата уже не визжали столь громко, как сначала, щенок на них не лаял, а только рычал, медведица подавала знаки своего присутствия рычанием.

Повариха с самого начала громко причитала. Глухая, она не всегда понимала наш разговор, но сильно испугалась, когда ей сказали, что это пришла медведица с двумя медвежатами.

Перед сном я сказал Ивану Александровичу, что утром мы пойдем за его дробовиком вместе. Он вроде бы согласился. А утром, еще было темно, я проснулся от того, что меня на раскладушке кто-то теребил за плечо. Это был, конечно, Иван Александрович. С дробовиком в руках. Он уже сходил один за ним, просидев у костра всю ночь, не смыкая глаз.

У старого охотника зарядов оказалось всего два патрона, из которых он не знал, какой с дробью, какой с картечью. Он разбудил нас всех, на всякий случай, хотя сам, в этом он признался позднее, знал уже, что медведица ушла, бросив медвежат. Я попробовал отговорить его от стрельбы, просил отпустить, прогнать медвежат, оттащив силой от них щенка. Но на это замечание эвенк так сердито ответил, что я больше этого разговора не возобновлял. Как это можно, по его мнению, отпустить зверя, если зверь сам вышел на охотника!

Два выстрела ничего не изменили. Медвежата взвизгнув, подвинулись выше на деревьях. А у охотника кончились патроны. К тому же он не взял, когда ходил за ружьем, крупную дробь. К палатке за дробью Иван Александрович ходил вместе с Сашей, а я оставался с поварихой, которая причитала с самого утра.

Следующие два выстрела тоже ничего не изменили. Раздосадованный Иван Александрович протянул ружье мне, чтобы я стрелял. Но я отказался — у меня не в порядке было с глазами. Согласился Саша. Однако сначала надо было вновь зарядить патроны, потому что у Ивана Александровича гильз было всего две.

Медвежата все-таки были убиты. Довольным выглядел Иван Александрович. Щенок бросился на убитых медвежат, зубами впивался в их шерсть, но хозяин его оттащивал от них. Медвежат утащили в большую палатку, где и сняли с них шкуры.

Мы боялись идти умываться на речку. Причитала повариха. Иван Александрович кричал на нее и говорил, что медведица ушла на Чуро, на дальний приток Верхней Ангары.

Мясо медвежат было вкусным, как всякое молодое, молочное. Одну из шкурок я взял себе, потом она служила ковриком у кроватей моих сыновей в городе. Я спросил Ивана Александровича о медведице. Ее уход он объяснил тем, что это была молодая мать, по первому телению, она еще в прошлом году беззаботно резвилась по тайге, а тут внезапно у нее появилась обуза — медвежата. И он был прав, потому что база стояла здесь еще больше месяца, до самого снега, и никто не видел рядом ни одного медведя.

Перед самым нашим отходом пли на оленях с грузом молодые эвенки-мужчины. И Иван Александрович с жаром им рассказывал на своем языке о медведице и медвежатах. В этом разговоре он особо не обратил внимания на мои слова прощания. Мы пожали крепко друг другу руки. И мы с Сашей ушли в горы.

Работая в горах, мы еще неоднократно встречались с молодыми эвенками, перевозившими на оленях наши грузы (спальные мешки, продукты, тяжелые мешки с пробами и многое другое). И я заметил, что теперь, спустя пять лет, вьючное седло на олене дополнилось самодельной сбруей,



которая на крутых склонах удерживает седло от сползания. Этой сбруи раньше, кажется, не было. Вьючного оленя, ведомого эвенком-каюром по крутому каменистому склону, я запечатлел на фотографии, где хорошо видны и седло, и груз, и сбруя.

Следующая встреча у меня произошла с Марией Тулбоконовой, спустя еще лет семь. Мария обрадовалась встрече, но ей было некогда разговаривать. Она разделявала медвежье мясо и нарезанные из него ленты развешивала на вешалах для просушки и копчения дымом. За этим я ее застал, когда, идя из маршрута, наткнулся на



Эвенки-оленоводы с оленями в горах



Мария Тулбоконова за разделкой медвежьего мяса (верховья Олокита). Фото автора

Холодной, вышла замуж за молодого звенка, моложе ее, детей по-прежнему нет. Сын старика Ержина, Алексей, все еще ходит по тайге.

И мы с ней распрощались. Больше я ее не видел.

В том же году я повстречался еще с одним чильчагиром, потомком родоначальника всех чильчагиров. В одну из геологических партий на лето нанялся рабочим на горные работы звенк из села Кумора. Его я встретил на канаве. Раздетый до пояса, он выбрасывал отвал из канавы после очередной отпалки. Среднего роста, с мощным развитым торсом, крепкими мускулистыми руками и короткой толстой шеей — вот его фигура. Как сейчас вспоминаю, он внешне был схож с героем американских боевиков — Шварцнеггером. Но это сравнение родилось сейчас, а тогда я удивился его развитой мускулатуре и сказал, что он ее, наверно, накачал в армии. Павел Ичедонов — так он назвался — ответил, что да, в армии, но не только в ней. Он сказал, что у него хорошая родова (это его слово), что таким же мощным и мускулистым был его отец, родоначальник всех чильчагиров. Павел признался, что он полностью перенял обычаи русских. Жена у него русская. Живет он в Куморе, работает в колхозе. Платят в колхозе за трудодни неважно, вот он и подался, до осени, на заработки к геологам. У геологов он работает не первый год. Еще в 1954 г., сразу после прихода из армии, он работал в Бирамьинской геологической партии, где начальником был геолог П. Ч. Шобогоров.

Надо сказать, что обрусение чильчагиров началось давно, наверно, с самого начала прихода в край русских (Верхнеангарский острог, на месте нынешней Куморы, был поставлен в 1647 г.). Обрусение звенков сказывалось и на их производ-

табор геологической партии. Она заметно поправилась, даже раздобрела. Особо она не расспрашивала меня, больше отвечала на мои вопросы. Иван Александрович Ержин за это время скончался, не в тайге, а у себя дома, в Уояне. Умер своей смертью от старости. Ее муж, Александр Павлович Тулбоконов, погиб, его застрелили в пьяной драке. Сама она покинула Уоян, живет теперь в



У геологов по реке Бирамье. Крайний справа — Павел Ичедонов. 1954 г. Фото П. Ч. Шобогорова.

ственной деятельности. По сообщению И.И.Самойлова и В.Д.Калинина-Иванова (1935), в деревнях Кумора, Ченча, Иркана эвенки, как и русские, сеяли хлеб, разводили скот, выращивали овощи, то есть в значительной мере отошли от своего традиционного хозяйствования.

Окончательный удар по извечным промыслам чильчагириров — охоте, рыболовству, оленеводству — нанесло строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Помню, в 1976 г. я с небольшим отрядом плыл опять на барже по Верхней Ангаре от Нижнеангарска до Уояна. Вместе с лошадьми мы погрузились на баржу. Здесь же везли вагончики для строителей БАМа, в них разместились бригада, человек шесть, молодых мужчин из Харькова, метростроителей. БАМ еще только-только начинался, в тайге не было ни жилья, никаких коммуникаций, а проходчиков тоннелей уже везли. Вместе с ними плыл корреспондент столичной газеты «Гудок». Пригласив в Уоян, я на следующее утро оказался в кабинете председателя колхоза со своей просьбой помочь переправить на правый берег Верхней Ангары и людей, и лошадей. Здесь же был и корреспондент. Председатель колхоза — русский, молодой (не старше 35), окончил Высшую партийную школу. Он сразу же стал говорить с корреспондентом о БАМе, а я оказался невольным слушателем. По всему было видно, что строительство БАМ — самый больной вопрос для колхоза. Председатель говорил, что строительство железной дороги выведет из использования богатые охотничьи угодья, а главные доходы колхоза — от охоты, что эвенки лишатся главного смысла жизни. Колхоз был против строительства дороги. И это было необычным, ибо все газеты тех дней взахлеб трубили и прославляли строительство БАМа.

Сейчас дорога построена. И что же видим? Дорога не только не принесла прибытка стране, она стала ей в тягость и обузу. По обе стороны дороги на 100–150 км тайга практически опустошена от зверя и рыбы. Извечный уклад чильчагириров не то, что нарушен, он полностью разрушен. Чильчагиры, это одно из некогда многочисленных племен эвенков, как и многие другие малые народы Сибири, поставлены на грань физического исчезновения. И сама грань, и пространство за ней кажутся неизбежными, неотвратимыми, потому что никто не знает, как же выстоять малому народу, малой этнической группе в единоборстве с таким молохом современности, как цивилизация...

ЛИТЕРАТУРА

Беликов В.В. Эвенки Бурятии. — Улан-Удэ, 1994.

Самойлов И.И., Калинин-Иванов В.Д. Атлас реки Верхняя Ангара от Камнеокана до устья. — Иркутск, 1935.

Annotation

S.A. Gurulev. Meeting Tchiltchaghirs in Taiga Forest. — Taltsy, № 2(4), 1998.

The author narrates about evenks from a Tchiltchaghirs tribe and about their treating wild animals, hunting traditions and everyday life.

Аннотация

С.А.Гурулев. Агиду арчамкачал чильчагирилва. — Тальцы, № 2(4), 1998.

Дукувча эвенкилвэ чильчагирилвэ, инмэты, бултанэвэты, ичэтнэвэтын.

ОХОТНИКИ-ОЛЕНЕВОДЫ ВЕРХОВЬЕВ НИЖНЕЙ ТУНГУСКИ*

*Александр Анатольевич Павлов,
исполняющий обязанности директора
Братского городского объединенного музея*

В 1986–1992 гг. Братский городской объединенный музей проводил изучение истории и культуры коренного населения Катангского района Иркутской области, охватывающего территориально верховья Нижней Тунгуски. По полевым материалам этих исследований и подготовлена данная статья.



Семья оленных эвенков Поповых из поселка Хамакар. 1986 г.

Эвенки издавна населяли бассейн Нижней Тунгуски. По результатам Приполярной переписи 1926–1927 гг., в верховьях реки жило 1115 эвенков, большая часть которых была представлена охотниками-оленеводами. К 1989 г. число эвенков здесь сократилось до 616 человек. Причинами сокращения численности эвенков явились эпидемии (по воспоминаниям русских старожил, сильная эпидемия кори слу-

чилась в 1935 г.), миграции в соседние районы, снижение рождаемости.

К настоящему времени большинство коренного населения района утратило связь с национальной культурой, вследствие государственной политики приведения эвенков к оседлости, принудительного переселения из мелких поселков в крупные, ликвидации общественных оленьих стад в 1960–1970-х гг. Этнокультурные традиции сохраняются лишь у эвенков, владеющих собственными оленями и ведущих традиционное охотничье-оленеvodческое хозяйство.

В 1989 г. в 23 семейных хозяйствах эвенков (поселки Ербогачен, Тетя, Хамакар) имелось 353 оленья, с которыми кочевали практически круглый год лишь 8 семей; остальные 15 семей, имевших по несколько оленей, постоянно жили в поселках и использовали оленей только во время пушного промысла, передавая их по окончании охотничьего сезона на выпас оленеводам, в стадах которых насчитывалось от 15 до 70 голов.

Хозяйство таежных кочевников



Эвенки В. П. Каплин и М. П. Егорченко у зимнего корьевого чума. 1992 г.

* Статья сопровождается фотографиями автора.

направлено, как и прежде, на комплексное использование охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий. Товарный выход имела только добыча пушных зверей. Благодаря охоте на соболя, белку, ондатру, звенки имели «живые» деньги. Охота на лося и боровую дичь, рыбная ловля обеспечивали собственные нужды в продуктах питания. В сентябре, перед ондатровым промыслом, сохатили, добывая 2–3 лося и заготавливая мясо впрок. В охоте на пушного зверя предпочитался активный способ; капканов кочевавшие звенки ставили меньше, чем русские промысловики. С окончанием пушного сезона охота не прекращалась. В апреле, с установлением наста, добывали лося, используя традиционные камусные лыжи с надетыми на них чехлами из собачьего меха. В охотничье снаряжение входили также олени или собачьи паркы, унты из камусов, пальма (кото) — большой нож, укрепленный на древке, заменявший топор. Если подстрелянный соболя, скажем, застревал в ветвях, дерево срубалось пальмой.

В обеспечении успешного промысла важнейшую роль играли домашние олени. Олень использовался под выюки и верховую езду, а также для запряжки в нарты. На оленях перевозили покрывки чумов, утварь, продукты и т.п. Опыт, накопленный предыдущими поколениями, в знании оленей, их обучении используется до настоящего времени. Вначале причаляют ходить под выюком оленей-трехлеток, и только затем используют их под верховую езду. Оленю, как правило, определяется ноша на выюк по его возрасту и силам.

У эвенков наблюдается особое отношение к оленям. Их называют человеческими именами, знают, что называется, «в лицо». Хозяевам достаточно одного взгляда на стадо в несколько десятков голов у дымокуров, чтобы определить, все ли олени на месте. Олень — предмет особой заботы охотника-оленевода. Если олени, отпущенные в тайгу, пока хозяин промышляет угодья вокруг чума или зимовья, долго не приходят к оставленной возле жилища соли, их ищут по следам и пригоняют. Оберегая оленей, грузят на них выюки весом не более 15–20 кг. При долгих переходах останавливаются, чтобы дать отдых верховым оленям. Выносливость оленей очень высока. В 1990 г. мне довелось наблюдать, как олени несли на себе всадников весом в 80–90 кг без отдыха 17 км.

Уход за оленями у эвенков остается традиционным: используются различные приспособления, ограничивающие их передвижение при пастьбе; весной и осенью устраиваются изгороди из жердей; летом на стоянках сооружаются дымокуры. Изгороди, в зависимости от размеров стада, строятся протяженностью во многие км. На каждый дымокур заготавливается не менее шести двухметровых сухих сосновых бревен ежедневно.

Оленеводство определяет кочевой образ жизни эвенков. По их словам, они «шли за оленями». Необходимость переходов с места на место, количество переходов, выбор мест стоянок диктуется наличием пастбищ для оленей и заботой о их сохранении.

В современных условиях охотники-оленеводы не могут кочевать как раньше, поскольку они, штатные охотники коопзверопромхоза, наделены участками площадью всего лишь в 200–250 кв. км, что явно недостаточно для традиционного кочевания. На таких участках протяженность кочевков составляет в год 50–80 км, тогда как для содержания стад необходимы кочевки длиной в 100 и более км. Если раньше зимой кочевали через 15–20 дней, то теперь подолгу живут на одном месте. Поэтому практически все звенки обзавелись срубными зимовьями, рядом с которыми стоят традиционные постройки: лабазы на сваях, корьевые чумы.

Летом, с разрешения хозяев соседних охотничьих участков, звенки кочуют по их территории, меняя места стоянок через несколько дней. Жилища,

хозяйственные помещения строятся согласно сохранившимся традициям.

Традиционное жилище эвенков — чум (дю). На расчищенной площадке устанавливается тренога (турголь) из трех связанных жердей, к которой приставляются две жерди, образующие дверной проём. Остальные жерди (херанг) приставляются к этой основе, образуя конический каркас с правильным кругом в основании. Сейчас, летом, каркас покрывается четырьмя покрывками (нюками) из брезента; покрывки из сохатинных кож берегут для зимы.



Зимнее стойбище. 1992 г.

Набор построек на стоянках со временем не изменился. Изменился лишь применяемый материал: каркас чума часто связывают кусками проводов; при строительстве небольших лабазов для хранения посуды используют доски от ящиков, брошенных геологическими экспедициями.

К традиционным домашним занятиям эвенков, сохранившим свое значение до наших дней, можно отнести обработку шкур, выделку кож, шитье одежды и обуви. Если забивают оленя, то используют его практически полностью. Мясо, костный и головной мозг, внутренности идут в пищу, шкура — на шитье одежды, камусы — на обувь. Из сухожилий делают нитки, а из маленьких кусочков меха, которые снимают между копыт, шьют подошвы для унтов. Женщины старшего и среднего возраста умеют выделывать ровдугу, из которой шьют летние унты.



Летняя перекочевка. 1990 г.

Эвенки, живущие в тайге, несмотря на то, что имеют современную посуду, на охоте или при перекочевках используют берестяные чашки (хавачан, кутака) для воды и чая.

Пищей эвенков, как и прежде, служит то, что можно добыть в тайге: звериное мясо, дичь, рыба, ягоды. Домашний олень дает им молоко. Эвенки покупают только муку, чай, соль, сахар, растительное масло.



Установка чума. 1990 г.

Здоровье кочующих эвенков, чей рацион питания ближе к традиционному, гораздо лучше и крепче, чем у их сородичей из поселков, — это неоднократно отмечалось наблюдателями в течение последних десятилетий.

У оленных эвенков до сих пор сохраняется значительно больше элементов традиционной духовной культуры, чем у поселковых. Между собой при перекочевках они общаются на родном языке, поскольку



Изготовление берестяной посуды. 1990 г.

себя внимание то, что многие предметы культуры уже не воспроизводятся; используются старые вещи, полученные от предыдущих поколений; молодежь из семей оленеводов, воспитанная в интернатах, не стремится в тайгу, ориентируясь на другие культурные ценности; некому передавать накопленные веками опыт и навыки ведения охотничье-олeneводческого хозяйства. Прошедшее 5-летие ничего не изменило. Традиционный уклад жизни эвенков верховьев Нижней Тунгуски обречен на исчезновение и существует только до тех пор, пока из жизни не ушли представители старших поколений.

больше времени проводят со старшим поколением.

Кочующими эвенками соблюдаются и эвенкийские погребальные обряды. Неподалеку от могилы умершего на дереве привязывается голова его верхового оленя, а также вещи покойного, которые, как и прежде, слегка портят и ломают.

Во время наших экспедиций к эвенкам Катангского района оленьные эвенки сохраняли многое из этнокультурных традиций своего народа. Однако уже тогда обращало на



Голова жертвенного оленя и вещи покойного у могилы. 1990 г.

Annotation

A.A. Pavlov. Hunters — Reindeer-herding, Populating the Upper Parts of Lower Tunguska. — Taltsy, № 2(4), 1998.

The evenks from the Upper Parts of Lower Tunguska River, engaged in deerbreeding and hinting, had a nomadic way of life and wandered for great distances. Nowadays they are deprived of such an activity because they work as hunters at small cooperative societies and are entitled to limited areas to do hunting within. That is why the number of evenk families who manage the deer and wander with them has decreased. There were 353 deer in 23 economic communities in Erbogatchyon, Teteya and Khamakar in 1989, however only 8 families were wandering with deer all year round. Managing and deer breeding experience which had been accumulated through centuries is being wasted.

Аннотация

А.А. Павлов. Бултамнил тадук орово дявучамнил Нижняй Тунгускадук. — Тальцы, № 2(4). 1998.

Эвенкил Нижняй Тунгускадук бултамнил тадук орово дявучамнил амаски нулгинкитын гороло бултаденэл. Эхи таду инденэл хавалдянал нунгартын тара хокордо, нунгартутын булдэ хуокурвэ бултакисирва дуннэлвэ. Тадук нунгартын хокорисивулда дуннэнгилдуклэр. 1989 анганиду 23 инкитту Ербогачэнду, Тетейду, Хамакарду бичэтын 353 ороп, нулгинкитын Анганыва 8 тэгэл. Индек амаскиптэ хокоривдран луху.



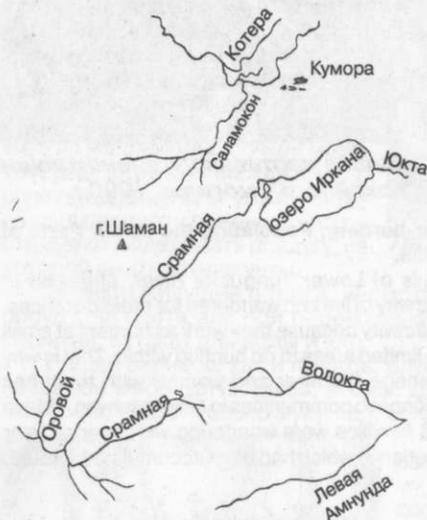
ЧИКОЛЬТОДЖЕК — СРАМНАЯ

Станислав Андреевич Гурулев,
ученый секретарь музея «Тальцы»

На Верхнюю Ангару, один из самых крупных притоков Байкала, русские пришли в сороковых годах XVII века. Здесь они столкнулись из аборигенов исключительно с эвенками: киндигирами, населявшими низовья реки, и чильчагирами, занимавшими среднее и верхнее течение реки, а также бассейны крупных левых притоков реки — Светлой, Котеры и др.

Эвенкийские топонимы края сохранились благодаря тому обстоятельству, что русские, обложив данью (ясаком) туземцев, ежегодно собирали ясак, объезжая кочевья аборигенов, в силу чего им необходимо было знать и сохранять, закрепляя в документах, туземную, в частности, эвенкийскую, топонимию. Замена эвенкийских топонимов русскими редка, но все-таки имеет место. В данном сообщении мне хочется обратить внимание читателей на редкий случай замены эвенкийского названия русским с сохранением и унаследованием эвенкийской этимологии.

По южному краю широкой долины Верхней Ангары русские, предположительно в XVII веке, основали две деревни — Кумору и Иркана. Деревня Иркана (ныне ее нет) была расположена вблизи и на берегу крупного одноименного озера. По берегу озера и далее по притоку озера с экзотическим названием Срамная издавна существовала тропа, идущая на Светлую. По Светлой и ее притокам можно было по тропе уйти в Северо-Муйский и Баргузинский хребты, на реку Баргузин. В годы строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ) здесь была проложена, но не окончена



строительством, шоссейная дорога (сейчас она заброшена).

Небольшая речка Срамная берет начало в предгорьях Северо-Муйского хребта. Длина ее около 30 км. Название речки — русское и происходит от древнерусских слов «срам» и «срам» — стыд. Почему эта речка носит такое не совсем удобное имя? Что в ней заключено действительного срамного, стыдного?

Выяснение смысла названия речки привело меня к ее эвенкийскому имени — Чикольтоджек. Это название хорошо знают местные эвен-

ки рода чильчагир, населяющие бассейн Верхней Ангары. Оно зафиксировано самыми ранними исследователями края — геологами. Например, именно так река названа на маршрутной геологической карте Ленско-Витимской горной страны, составленной в 1911 г. геологами известной Ленской партии, занимавшейся выяснением перспектив золотоносности региона. Карта опубликована в журнале «Геологические исследования в золотоносных областях Сибири. Ленский золотоносный район. Вып. IX. СПб, 1913». Оно существует в плотном окружении эвенкийских топонимов (см. схему).

Рассмотрим подробнее структуру гидронима Чикольтоджек. В основе его лежит эвенкийское слово «чикэн» — моча, нечистоты. От этой же основы происходят в Восточной Сибири следующие гидронимы: Чикой — правый приток Селенги, который в сочинениях иранского историка начала XIV века Рашид-ад-дина называется Чику, в русских документах XVII века — Чика-река, Чикой, в бурятских летописях XIX века — Сухе (Цухе), в старописьменномонгольском языке — Suku youl (названия Сухе, Цухе и Suku образованы от бурятского «сухе» — обруч по причине того, что река в верховьях образует изгиб большого радиуса; youl — река); Чикокон — левый приток Чикоя (реку посетил в 1726 г. геодезист А.И. Кушелёв, о чем он сообщил в письме русскому послу в Китай С.Л. Владиславичу-Рагузинскому; река упомянута в 1875 г. в хронике В. Юмсунова под названием Чикакон); Чико — левый приток Чаи, правого притока Лены; Чикогда, левый приток Зелинды, правого притока Ангары. Причленяющийся к основе суффикс -то превращает ее в глагол «чикольто», приобретающий значение — обмочиться (правда, здесь неясным остается звук «ль», но можно предполагать, что это тоже суффикс). Присоединение к глаголу «чикольто» суффикса -дяк (-дек, -дэк, -джек), служащего в эвенкийском языке для образования отлагательных существительных, преобразовывает его в существительное со значением — место, где кто-то обмочился. М.Д. Симонов (1976) приводит два примера образования эвенкийских гидронимов с указанным суффиксом, а именно: Инанджэк от основы «инга» — песок на отмели, песчаная или мелкокаменистая отмель, речная коса, галька, камень, и Аланджак от основы «алан» — переваливать через горный хребет; этимологизированию, по мнению исследователя, не поддается топоним Делиндяк (хотя в его основе, заметим, возможно видеть эвенкийское «дели» — таймень).

Таким образом, гидроним Чикольтоджек получает надежное этимологическое обоснование и структурно укладывается в единый тип с другими эвенкийскими топонимами, оформленными суффиксом -дяк.

Как же объясняют название эвенки-чильчагиры? Они о происхождении названия Чикольтоджек рассказывают легенды, похожие на быль. Одну из таких легенд я слышал от эвенков примерно в таком изложении.

...Повстречались однажды на этой речке парень и девушка. Разговорились. Да и решили здесь попить чаю. Развьючили оленей. Пока девушка готовила чай, парень сходил в лес и успел скараулить и добыть дикую козу. Пока пили чай, сварилось козье мясо. Вкусное сочное мясо. А пока ели мясо, кончился день, стало смеркаться. Решили заночевать. Устроили огонь на ночь, парень на палки натянул козью шкуру. Легли спать. Девушка ласкалась к парню, целовала его, ей хотелось того, о чем всегда стыдно говорить. А парень не мог пойти навстречу ее ласкам. Он не знал, что случилось с ним. И вроде бы мясо жирное и вкус-

ное ел. И вроде бы здоров, силен, по тайге хороший ходок. С парнем случился небольшой грех. Вместо того, чтобы ответить на ласки девушки, он... помочился. Вместо того...

Другая легенда говорит, что грех случился не с парнем, а с девушкой. Вместо того... она помочилась.

Вот и получилась речка Чикольтоджек или, по-русски, Срамная. Но это ее еще, скажем, мягкое название. Не знаю, как эвенки, а вот местные русские, потомки казаков, крестьян и землепроходцев XVII века, живущие в деревне Кумора и сохранившие речь и многие обычаи своих далеких предков, речку обзывают еще определеннее и похлеще — Засцыха, что происходит от русских слов «сцать» — мочиться, «засцыха» — тот, кто мочится (по М. Фасмеру).

Похожая ситуация есть еще в одной стране — в Италии, на далеком от нас острове Сицилия. История здесь такова. В IX в. Сицилию завоевали арабы. Спустя 2 века, арабов вытеснили норманны, выходцы из Скандинавии, представвшие собою германские племена. Они образовали Сицилийское королевство, которым правил король Рожер II. В XVI в. здесь была провозглашена республика, был избран всенародно парламент, который принял неожиданное для жителей решение — установить на главной площади столицы республики городе Палермо, перед зданием парламента, статуи во весь рост выдающихся людей республики. Что и было незамедлительно сделано. Люди, еще живые, изображались в античном виде, то есть голыми, со всеми детородными органами, со всем срамом-стыдом. Именно поэтому площадь перед парламентом, официально называвшуюся Преторией (от латинского слова «претор» — должностное лицо, осуществлявшее судебную власть и охрану внутреннего порядка и права), палермцы стали называть Срамной (в переводе). Может быть, они называют площадь и более крепкими именами, каковых у любого народа всегда всегда находится в избытке.

Вот такие истории происходят порою с географическими именами.

Благодарю старшего преподавателя Бурятского госуниверситета Е.Ф. Афанасьеву за консультацию по эвенкийскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

Гурулев С.А. Реки Байкала (происхождение названий). — Иркутск, 1989.

Симонов М.Д. Типология эвенкийских гидронимов Бурятии (на материале названий рек Баунтовского аймака). — В кн.: Ономастика Бурятии. — Улан-Удэ, 1976.

Annotation

S.A. Gurulev. Tchikoltodjek — Sramnaya. — Taltsy, № 2(4), 1998.

Russians had been preserving the system of evenk namewords widely spread in the past nomadic life as a result of economic necessity. In some cases the arising russian namewords were a complete reflection of those of evenks and it can be clearly traced if we read such names as Tchikoltodjek and Sramnaya. Evenk namewords originated from evenk legends.

Аннотациял

С.А. Гурулёв. Чикольтоджек — Срамная. — Тальцы, № 2(4). 1998.

Лучал ичэчингкитын инмэ он эвенкил нулгиктэнгкитын. Эр инмэ лучал ичетчел Чикольтоджек тадук Срамная. Эвенкил интын амаски оча нимнгакардук.



МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»



*Галина Семеновна Мартынова,
директор музея,
кандидат исторических наук*

*Анна Федоровна Покровская,
научный сотрудник музея*

Музей-заповедник «Томская Писаница» был открыт на берегу Томи в 55 км от города Кемерово в сентябре 1995 г. Он оказался в России первым комплексным многопрофильным музеем открытого типа. В основе его создания лежала идея показа в органическом единстве исторических, духовных и природных ценностей. Реализация этой идеи выразилась в создании под открытым небом нетрадиционных музейных экспозиций, в осуществлении новых форм работы с посетителями как участниками музейного процесса (реализация «живого музея»), в предоставлении разнообразных услуг по туристическому и музейному сервису.

В 1995–1997 гг. в музее были построены шесть самостоятельных тематически различных комплексов для массового показа. Кратко охарактеризуем каждый из комплексов.

Древнее святилище «Томская писаница» — это экспозиция в естественной среде. Это скалы с древними рисунками человека.



Рисунок Томской писаницы, опубликованный Ф.И.Страленбергом в 1730 г.

древними письменами впервые были упомянуты в XVII веке русским землепроходцем, имя которого, к сожалению, осталось неизвестным: «Не дошед острогу (вероятно, Верхнетомского), на краи реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем писано: звери и скоты, и птицы и всякие подобиа...»

Первыми исследователями писаницы были Ф.И. Страленберг, шведский офицер, участник Полтавской битвы, сосланный как пленник в Сибирь, и Д.Г. Мессершмидт, первый исследователь Сибири. Вернувшись на родину, Страленберг в 1730 г.

опубликовал книгу о Сибири, в которой он приводит наскальные рисунки на Томи, между Томском и Кузнецком, и дает им краткое описание. Позже Мессершмидт включил сведения о писанице на Томи, приведенные Страленбергом, в свое трехтомное описание Сибири.

Следующий музейный комплекс объединен одной общей темой «Мифология, эпос и календари народов Сибири». Здесь собраны как подлинные, так и реконструированные памятники. На каменных стелах изображены древние (эпоха каменного века) картины с мифологическими сюжетами. К эпохе бронзового века, вероятно, относятся «оленьные» камни. Интересны скульптурные изваяния — алтари плодородия древних земледельцев. Здесь же посетитель знакомится с древними поминальниками. Все эти памятники отображают культуру древних индоевропейцев, индоиранцев, тюрков. Мифология древних финно-угров Сибири представлена изображениями их божеств, алтарями и священным деревом, которому поклонялись, принесли жертвы. Отдельно экспонируются традиционные календарные доски народов Сибири.



В экспозиционном комплексе «Мифология, эпос и календари народов Сибири»

формацией о внешнем облике древних людей, о их одежде. Здесь же организован витринный показ материалов по истории и эволюции жилищ народов Сибири и материалов раскопок поселений (жилых) Сибири.

Открытый в 1995 г. музей наскального искусства Азии ставит своей целью показ наскального искусства народов как составной части истории и культуры человечества. Показ ведется в хронологическом разрезе путем экспонирования опорных памятников по странам мира и прежде всего Азии. Здесь представлены памятники наскального искусства народов Сибири, Центральной и Средней Азии, есть памятники Индии, Пакистана, Кореи, Монголии, Китая.

Экспозиция архитектурно-этнографического комплекса «Шорский улус Кезек» показывает материальную и духовную культуру шорцев, одного из аборигенных народов Сибири.

Комплекс «Археодром» представляет собою «живую» археологию. Прежде всего здесь обращают на себя внимание подлинные, но переселенные в музейную обстановку древние погребения с предметами быта (очаги, топчаны) и производства, датированные неолитом, бронзовым веком, гуннским временем, эпохой древних тюрков. Показываются также реконструированные по материалам раскопок в Кузбассе древние жилища; показ сопровождается инф



Фрагмент «Археодрома»



Музей наскального искусства Азии

исторической геологии, минералогии, палеонтологии и полезным ископаемым Кузбасса. Здесь интересна демонстрация крупногабаритных образцов горных пород в их естественной среде.

В состоянии создания находится ряд комплексов, зон и центров, над строительством которых работает коллектив музея. Здесь мы должны прежде всего назвать комплекс «Русская Сибирь» (жилой дом крестьянина, хозяйственные постройки, заезжий двор, трактир, кузница, мельница, лавка, церковь), музейно-культурный центр «Славянский мифологический лес» (дохристианские верования, капища), зона природы, примузейная зона туризма и отдыха (гостиница, площадь для ярмарок и праздников, площадка для исторических игр), торговый центр.

Поток посетителей в будущем должен увеличиться, и это мы связываем с завершением строительства новых музейных комплексов и экспозиций. Поэтому мы ищем творческого сотрудничества в новом строительстве, в деле пропаганды и рекламы музея, в развитии познавательного туризма.



Шорский улус

В составе музейного комплекса посетитель может познакомиться с жилыми и хозяйственными постройками шорцев. В частности, он может осмотреть ритуальный шалаш молодоженов, промысловый комплекс (добыча и переработка кедрового ореха) и кладбище.

Завершает экспозицию всего музея комплекс естественной истории, в котором показываются материалы по



ДЕКЛАРАЦИЯ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ ЭВЕНКОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

*Принята Первым Съездом эвенков России
(Большим Сулланом) 30 марта 1993 г.*

Учитывая территориальную разобщенность, стремление эвенкийского народа к этническому единству, сохранению языка, культуры и лучших национальных традиций и обычаев, заботясь о традиционном и непрерывном пользовании нашими землями, водами, растительным и животным миром и об уважении к традиционным знаниям и жизненному укладу наших предков, будучи глубоко обеспокоены здоровьем, демографической ситуацией, благосостоянием, проблемой выживания аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях рыночной экономики, добиваясь создания условий для полноценной жизни наших народов, их трудовой занятости с учетом привычной среды обитания, признавая значение Международного года коренных народов мира в обеспечении прав аборигенных народов на самоопределение, земли, возобновляемые и невозобновляемые ресурсы, а также а в признании их культурных социальных и экономических прав, мы, представители эвенков Севера, Сибири и Дальнего Востока, собравшись в поселке Тура Эвенкийского автономного округа, ставим перед собой следующие основные задачи национального возрождения эвенков.

1. Оказывать всемерную поддержку движению за возрождение, восстановление экономических, культурных, патриотических традиций и форм самоуправления эвенков Севера, Сибири и Дальнего Востока.

С целью всестороннего учета и удовлетворения этнических потребностей эвенков считать необходимым создание в местах их проживания и хозяйственной деятельности национально-культурных обществ и ассоциаций.

2. Добиваться принятия на федеральном, республиканском, окружном и местном уровне согласно компетенции соответствующих органов власти и управления законодательных актов по защите эвенков и других аборигенных народов:

о правовом статусе малочисленных народов Севера;

о праве собственности малочисленных народов Севера на землю, другие природные ресурсы, растительный и животный мир на территории исторического расселения этих народов;

о внесении с учетом национальных особенностей, уклада жизни, ценностных ориентаций народов Севера изменений и дополнений в Законы Российской Федерации о земельной реформе, о кочевой родовой общине, недропользовании, приватизации, налогообложении, предпринимательстве и занятости населения;

об обеспечении приоритета местного населения при промышленном освоении в местах их традиционного проживания;

о государственной поддержке завоза в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока продуктов питания и материально-технических средств, ориентированного не на потребности выживания, а на возможности достойного современного человека жизни.

3. Условием возрождения является национальная консолидация, обретение единства политических и национально-культурных интересов эвенков Севера, Си-

* Печатается по книге: Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. — М.: Юридическая литература, 1994.

бири и Дальнего Востока. Все мы одна семья, и осознание родства поможет нам преодолеть трудности перехода к рыночной экономике, воссоздать нравственные и культурные традиции.

Компактно проживающее эвенкийское население может защищать свои права через создание национально-территориальных единиц (районных, кочевых и сельских Советов), обладающих определенной этнической автономией. В этой связи встает вопрос о наделении их полномочиями по предмету обеспечения прав малочисленных народов Севера, охраны среды проживания при промышленном освоении территорий их традиционного расселения, возрождения и развития национальной культуры и родного языка.

4. Особенно остро встает вопрос сохранения культурных ценностей эвенков и других аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, обеспечения возможностей для их выживания и развития.

В этой связи одним из приоритетных направлений научных исследований должна стать разработка системы мер по расширению социальных функций эвенкийского языка, изучения этнолингвистической ситуации в регионах проживания эвенков.

Войти с предложением в федеральные органы государственной власти и управления о выделении финансов и материальных средств для исследований по истории культуры, искусства, эвенкийского языка, перспективам его функционирования в местах проживания эвенков и их хозяйственной деятельности.

С целью достижения внутренней консолидации коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, реализации их права на получение информации на родном языке разработать и внести предложения в Правительство Российской Федерации о государственной поддержке книгоиздания и организации вещания на языках северных народов по республиканскому телевидению и радио.

Считать целесообразным строительство культурно-этнического Центра эвенков в поселке Тура Эвенкийского автономного округа.

5. С учетом неблагоприятной медико-демографической ситуации в местах проживания эвенков и других народов Севера добиваться разработки межведомственной программы охраны здоровья настоящего и будущих поколений, с обязательным обеспечением финансовыми и материально-техническими ресурсами.

6. Создать Координационный совет из числа представителей эвенков от различных регионов их компактного проживания для координации усилий по решению проблем жизненного уклада, развития языка, этнической культуры и искусства.

7. Просить Президента Республики Саха (Якутия), Глав администраций автономных округов, краев и областей принять на бюджетное содержание региональные Ассоциации малочисленных народов Севера и обеспечить соответствующим рабочим местом.

8. Считать необходимым образование Комитетов по проблемам малочисленных народов Севера в структуре администраций Эвенкийского, Агинского, Бурятского и Корякского автономных округов и соответствующие структуры в администрациях Республики Бурятия, Красноярского и Хабаровского краев, Амурской, Иркутской, Камчатской, Сахалинской и Читинской областей.

9. Декларацию разослать Президенту и Верховному Совету Республики Саха (Якутия), Верховному Совету и Совету Министров Республики Бурятия оветам народных депутатов и администрациям Эвенкийского, Агинского, Бурятского и Корякского автономных округов, Советам народных депутатов и администрациям Красноярского и Хабаровского краев, Амурской, Иркутской, Камчатской, Сахалинской и Читинской областей.



1998 г.
**КОНФЕРЕНЦИИ
CONFERENCES**

28 июня — 5 июля. Улан-Удэ, Россия. II Международный симпозиум «Байкальские встречи» — «Проблемы сохранения и популяризации традиционного фольклора в полиэтнических странах». На симпозиуме работали секции: «Фольклор и общество», «Фольклор и образование», «Фольклор и духовная культура», «Проблема сохранения духовного наследия фольклорных традиций», «Прикладные аспекты исследования фольклора», «Сохранение традиционной культуры и фольклора в музеях». Разнообразной была культурная программа.

28 June — 5 July. Ulan-Ude, Russia. «Meeting at Baikal» — II International Symposium «The problems of preserving and making popular traditional folklore in polyethnic countries». The following workshops were at work at the conference: «Folklore and Society», «Folklore and Education», «Folklore and Spiritual Culture», «The problems of preserving spiritual heritage of folklore traditions», «The applied aspects of folklore research», «Preservation of traditional culture and folklore in museums». A various cultural programme was carried out.

21—22 августа. Шушенское, Красноярский край, Россия. Научно-практическая конференция «Южная Сибирь в составе России: проблемы, поиски, решения», посвящённая 280-летию Саянского острога. На конференции заслушано 20 тематических докладов. Во время конференции состоялось открытие выставочного зала государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское», прошёл просмотр видеофильмов о музее, выступлений театральной группы, ансамбля народной песни «Плетень», кукольного театра.

21—22 August. Shushenskoye, Krasnoyarsky Kray, Russia. Scientific and practical conference named «South Siberia within Russia: Problems, researches and decisions» dedicated to the 280th anniversary of Sayansky Ostrog (wooden fort). 20 reports were presented to the audience. An exhibition hall was inaugurated at «Shushenskoye», the State Historical and Ethnographical Museum, during the conference. The audience watched some videos on a museum, puppet show and the performance, staged by the local theatre group, enjoined a «Pletenj» — folklore group concert.



Эвенки: язык, фольклор, литература, этнография. Библиографический указатель. Составитель Е.Ф. Афанасьева. — Улан-Удэ, изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. — 144с.

Библиографический указатель, подготовленный для практической работы студентов, обучающихся по специальности «Учитель русского языка и литературы, эвенкийского языка и литературы», и преподавателей университета, существенно облегчит поиск и подбор литературы. Данные справочные материалы могут быть полезными также учителям эвенкийских школ, научным сотрудникам и краеведам.

Гончиков В.С., Дамбаев В.Д. Эвэдыл давлавур. Эвенкийские песни. — Улан-Удэ, 1997. — 112с.

В сборник вошли песни заслуженного работника культуры Бурятии Виктора Гончикова, а также инструментальные пьесы Владимира Дамбаева. Данный сборник расширит репертуар художественных коллективов школ и детских садov.

Зомонов М.Д., Манжигеев И.А. Краткий словарь бурятского шаманизма. — Улан-Удэ, Бур. книж. изд-во, 1997. — 126с.

Данная работа — это попытка создания понятийного аппарата шаманизма с позиции теоретического религиоведения на основе исторических источников исследования бурятского шаманизма. В словаре, на наш взгляд, рассмотрены основные понятия этой древней конфессии.

Практическая значимость краткого словаря заключена в том, что его материалы могут быть использованы в учебном процессе по основам религиоведения, в разработках курсов, посвященных изучению духовного мира народов Сибири и Дальнего Востока.

Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI — начале XVI в. — Улан-Удэ, изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 104с.

Монография посвящена изучению неисследованных и малоразработанных вопросов истории Прибайкалья середины VI — начала XVI в. Большое внимание уделено анализу содержащихся в монгольских летописях генеалогических преданий и на этой основе обоснованию гипотезы о времени появления первых монголов вблизи Байкала; исследованию процесса вхождения племен Прибайкалья (Баргуджин-Тукума) в состав державы Чингисхана и показу их участия в жизни этой страны; анализу содержания термина «лесные племена», раскрытию общих и специфических черт в хозяйстве и образе жизни лесных и степных племен Баргуджин-Тукума и Монголии; выявлению и показу последствий феодальной раздробленности Монголии для прибайкальского региона, изучению этносоциальных процессов и определению типа этничес-

кой общности у Байкала в канун прихода русских.

Книга предназначена историкам, этнографам, монголоведам, широкому кругу читателей.

Монголоведные исследования. Вып. 1. — Улан-Удэ, изд-во БНЦ СО РАН, 1996. — 125с.

Сборник представляет собой начальный выпуск нового серийного издания «Монголоведные исследования». Статьи выпуска посвящены вопросам истории и культуры, литературы и языка монгольских народов, монгольскому источниковедению. Сборник содержит много новых материалов, введенных в научный оборот авторами в результате кропотливой работы с летописными, рукописными и архивными источниками, образцами фольклора монгольских народов

Книга предназначена для исследователей-монголоведов, бурятоведов, а также для преподавателей и студентов учебных заведений.

Монголоведные исследования. Вып. 2. — Улан-Удэ, изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 104с.

В сборнике представлены статьи и материалы по истории и культуре Монголии и монгольских народов, а также по монгольскому источниковедению. Эти проблемы раскрываются на основе летописных и архивных источников, образцов фольклора монгольских народов.

Сборник предназначен для исследователей-востоковедов, преподавателей и студентов вузов, а также для тех, кто интересуется вопросами истории и культуры монгольских народов.

Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. — Улан-Удэ, изд-во Бурятского госуниверситета, 1997. — 184с.

В монографии доктора психологических наук, профессора Карнышева А.Д. анализу подвергнуты некоторые стороны межэтнического взаимодействия народов, проживающих в современной Бурятии. В работе автор делает попытку рассмотреть три существенных вопроса: во-первых, разобраться в естественных социально-психологических предпосылках и факторах эффективности межэтнического сотрудничества; во-вторых, проследить ретроспективу контактов и связей между народами по разным направлениям жизнедеятельности за последние три века, включая современный период, с целью учета и использования положительного опыта; в-третьих, на основе первых двух моментов рассмотреть некоторые формы и методы деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, различных общественных и иных организаций по укреплению межнационального согласия.

В книге автор широко использует результаты опросов, проведенных под его руководством социально-психологической лабораторией Народного Хурала Республики Бурятия.

Работа может быть использована в качестве пособия для спецкурсов и семинаров по соответствующим темам студентами и преподавателями.

**ЭВЕНКИЙСКИЕ СТОЙБИЩА МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»**

*Владимир Викторович Тихонов,
директор музея «Тальцы»*

В V — VI вв. н. э. предки эвенков освоили громадную территорию, расселившись по всей таёжной зоне Восточной Сибири, захватив отчасти и приполярную лесотундру. Исследования археологов, антропологов, лингвистов и этнографов позволяют считать эвенков (тунгусов) древнейшим населением таёжных и горно-таёжных районов Восточной Сибири. Ведя кочевой уклад жизни, эвенки Восточной Сибири в основном селились по долинам крупных рек, изобилующих рыбой, и осваивали горно-таёжные водоразделы, промысля копытных зверей.

В общеэвенкийской культуре можно выделить два ареала: западный и восточный. Граница между ареалами проходит по Байкалу и Лене. Каждому из этих ареалов соответствуют свои языковые диалекты и различные типы оленеводства. Так, у западных эвенков олень используется только под выюк, а у восточных (Витим) — ороchonский тип оленеводства — под выюк и под верховую езду. Часть западных эвенков вообще не знала оленеводства.

По концепции развития музея «Тальцы» строительство эвенкийской зоны, состоящей прежде всего из стойбищ различного типа, должно вестись на основе раскрытия духовной и материальной культуры эвенков западного ареала и, преимущественно, эвенков Иркутской области (губернии). В целом стойбища должны отражать хозяйственно-культурный комплекс охотников-олeneводов (главный объект охоты — сохатый, изюбр; транспортное животное — домашний олень; рыболовство имеет вспомогательное значение). У охотников-олeneводов, начиная с середины XVII в., под влиянием русских поднимается значение пушной охоты. В конце XIX в. часть эвенков, особенно в Ленско-Киренском районе и в верховьях Илима, переходит на полуседлый и оседлый образ жизни.

По данным переписи 1897 г. в Иркутской губернии проживало 2028 эвенков, большинство которых было расселено по правым притокам Лены (63% от общего числа эвенкийского населения губернии). По переписи 1989 г. в Иркутской области проживало 1046 эвенков.

У эвенков господствовали патриархально-общинные отношения. Основной социальной единицей была община. По воззрениям эвенки в XIX — начале XX вв. оставались шаманистами.

Стойбища эвенков делились на временные (уриkit) и постоянные. Во временных жили, как правило, летом. Постоянные стойбища подразделялись на зимние (мэнген, мэнэйен), весенние (ненгнерkit) и осенние (хиголорkit). В одном стойбище обычно селились семьи, находившиеся во взаимобратных отношениях.

Эвенки-олeneводы для летних стойбищ выбирали место в сухом бору, около ручья или речки. Большую ровную площадку, на которой могли вместились все олени, оставляли пустой, вокруг неё ставили чумы с дымокурром против каждого. Дымокур (гулун, самнин) делался из жердей, поставленных в виде конуса, с таким расчетом, чтобы олень не мог просунуть

внутри конуса голову и не мог её ожечь, так как внутри конуса из жердей развондился костёр, в который периодически подбрасывали мох.

На летнем стойбище жили до тех пор, пока олени не перетапывали весь мох. Затем подыскивали новое сухое место и откочевывали.

Зимние стойбища звенки устраивали обычно в сосновом лесу у рек. Чумы ставили рядом, а если собиралось несколько семейств, то полукругом. Против входа в чум устраивались костры для варки пищи.

Основное жилище звенков — корьевой или ровдужный конический чум. Корьевой чум — голомо — покрывался берестяной или лиственничной корой. Ровдужный чум имел покрытие из ровдуги — выделанных шкур лося, сшитых вместе.

Для хранения заготовленной пищи, одежды и иных нужд строили лабазы на высоких сваях. Различали три разновидности лабазов: дэлкэн — площадка из накатника, наложенного на балки, укрепленные на сваях; ноку — на площадке устанавливали сруб в 2-4 венца, куда складывали вещи, продукты, сруб сверху покрывали одно-двухскатной крышей из лиственничного корья или досок; тэлгэкон — лабаз высотой до 2 м, строящийся на месте добычи лося для хранения мяса; гули — лабаз высотой 1,2–1,5 м, строящийся на стойбищах для складывания обьеденных костей, создаваемый, как и тэлгэкон, из жердей, уложенных на опоры, покоящиеся в развилке трёх рогатых палок, прислоненных к дереву.

Неотъемлемой частью летних стойбищ были приспособления для сушки оленьего и сохатиного мяса и мелко нарубленных костей (бусивун). Сушеное мясо ели летом, запасали на зиму. Его ели, запивая чаем с оленьим молоком, с ягодой. Сушеными костями заправляли суп, когда охота была неудачной и когда не было свежего мяса.

Наиболее древним приспособлением для ловли пушных зверей в течение круглого года служила пасть (ланг), предназначенная для ловли всех видов пушных зверей — от горностая до волка, исключая, конечно, медведя. Ланг сооружается в виде сруба П-образной формы, открытым пространством обращенного вверх. Сверху на срубе устанавливаются два бревна, скрепленных между собой и опускаемых, когда зверь, привлекаемый приманкой, заберётся под них.

Пропитанием звенки обеспечивали свои семьи и с помощью рыбной ловли. Для постановки сетей использовали лодки: долблётки, берестянки, позже — шитики (лодки из досок).

Берестяную лодку можно было сделать за один день. Вначале драли берестяную кору, затем из жердей делали каркас, обтягивали его корой,



рис. 1

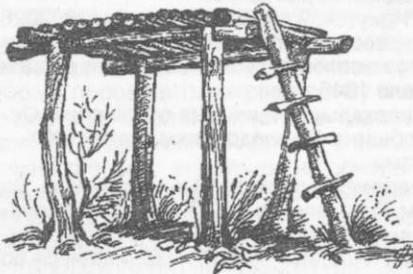
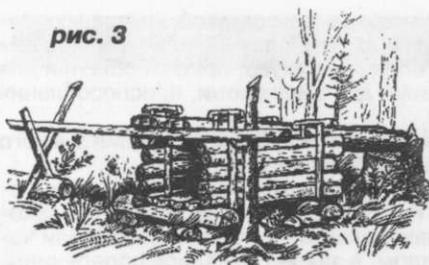


рис. 2

рис. 3



сшитой тонкой веревкой и в завершение стыки бересты смолили.

После рыбной ловли сети сушили и ремонтировали на специальных сооружениях, состоящих из двух жердевых треног высотой до 2 м и закрепленной на них тонкой жерди.

XX в. характеризуется значительным скачком в развитии цивилизации, значительными политическими и хозяйственными

изменениями в России. Затронули они и эвенков. В 1930–х гг. пришла коллективизация, заставившая объединиться в колхозы и практически полностью перейти на оседлый образ жизни. Появилось колхозное оленеводство. Интенсивное освоение природных богатств сокращало площади пастбищных угодий. Эвенки из стойбищ переезжали в поселки, селились в домах. Начатая в 1980–х гг. перестройка окончательно подорвала экономическую основу эвенкийских колхозов. Убыточное оленеводство привело к сокращению поголовья оленей. Из-за низкой покупательной способ-

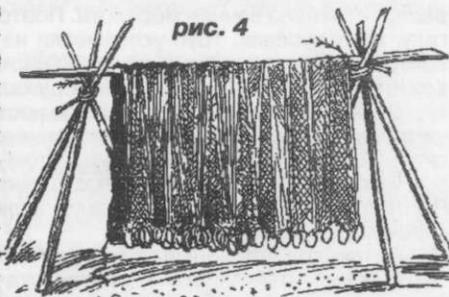
ности сокращается завоз продовольствия. Ухудшается медицинское обслуживание. Еще сохранившиеся «кочевые эвенки», являющиеся основными носителями национальной культуры, бросают родовые стойбища, переезжают в поселки, где можно трудоустроиться. Возможно, мы являемся последним поколением, которое может наблюдать эвенкийскую национальную культуру ещё в естественной среде. В

дальнейшем, так же как и национальную культуру других народов, мы сможем увидеть только в музейной форме, если своевременно сможем в искаженном виде её зафиксировать и сохранить.

В 1995 г. архитектурно-этнографический музей «Тальцы» приступил к реконструкции на своей территории эвенкийских стойбищ: осеннего, летнего, зимнего и комплекса эвенкийских захоронений. Основным исполнителем данного проекта стал Иосиф Трофимович Удыгир, школьный учитель, эвенк по национальности. Всё его детство и юность прошли в эвенкийских стойбищах. Его руки при переколёвках восстанавливали старые и строили новые стойбища. Знания и навыки, полученные в детстве и юности, пригождаются ему в реконструкции стойбищ в музее.

К настоящему времени полностью построен комплекс, характеризующий различные типы эвенкийских захоронений, в стадии завершения находятся осеннее и летнее стойбища. В состав осеннего стойбища входят чум голомо, чум ровдужный, изгородь с ловушками для оленей, устройство для костра перед чумом (рис. 1), гулувун, бусивун, лабазы для хранения объединенных костей (гули), лабазы для хранения вещей и продуктов — нэку и дэлкэн (рис. 2), пасть для ловли пушного зверя — ланг (рис. 3), стойло для оленей с навесом и кострами-дымокурами, навес для лодок с лодкой берестянойкой, приспособление для выделки ровдуг, лицо человека из дерева, изображающее доброго духа (хэвеки).

рис. 4



Летнее стойбище состоит из чумов, крытых ровдугой, костра (гулувна), костров-дымокуров, летней кузницы (тависивун) с навесом, крытым лиственничной корой, места для седел и потакуев, приспособления для снятия шкура со шкур, приспособления для сушки кожи, приспособления для сушки и ремонта сетей (рис. 4).

Составление тематико-экспозиционного плана реконструкции зимнего эвенкийского стойбища является ближайшей перспективой.

Необходимо более подробно остановиться на комплексе эвенкийских захоронений. В музее их три. Наиболее древними считаются захоронения на деревьях. Для этого захоронения подбирались два или четыре больших дерева, стоящих рядом, в заклёп делались поперечины, на них ставили колоду, сверху устраивалась ещё поперечина. Горизонтальные поперечины скреплялись вертикальными в паз. Для погребения использовали колоду, расколотую пополам, с выдолбленным в половинках местом для тела покойника.

Другое захоронение из брёвен, на земле относится к концу XIX — началу XX вв. С установлением торговых отношений с русскими православная погребальная обрядность стала распространяться и у эвенков. Эвенкийские стойбища располагались в основном в районах, где распространена вечная мерзлота. Поэтому для покойников не копали могилу, как у русских. Труп укладывали на землю, выбирая при этом сухое возвышенное место, закрывали его мхом и затем, чтобы его не мог потревожить хищный зверь, над ним сооружали глухой сруб из брёвен.

Эвенки по своим верованиям до настоящего времени остаются шаманистами. Тем не менее, проникновение христианства в их среду особенно сильно ощущалось в начале XX в. К этому времени относятся захоронения в землю с надгробием из досок с установкой на нём небольшого креста. Реконструкция такого захоронения является третьим в комплексе эвенкийских захоронений музея.

Реконструированные эвенкийские стойбища расположены в лесу на берегу реки, что полностью соответствует естественным ландшафтным условиям и позволяет реально воссоздать среду проживания эвенков, показать их культурную экологию и, самое главное, сохранить для будущих поколений в практической неискаженной виде часть уникальной материальной и духовной культуры одной из малочисленных народностей России — эвенков.

ЛИТЕРАТУРА

- Василевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки. — Л., 1969.
Историко-этнографический атлас Сибири. — М.-Л., 1961.
Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX вв. — М., 1982.
Народы Сибири. Под ред. М.Г.Левина и Л.П.Потапова. — М., 1956.
Сирин А. А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. — М., 1995.
Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. — М., 1985.
Туров М. Г. Хозяйство эвенков таёжной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX вв. — Иркутск, 1990.
Туров М. Г., Литвина В. И., Ступин С. Г. Этническая и социальная история Катангского района Иркутской Области. — Иркутск, 1995.



НИКОЛАЙ КРЕСТИТЕЛЬ*

Исаак Григорьевич Гольдберг (1884-1939),
писатель

I

Как только приплыли купеческие шитики с товаром к низовым тунгусам, вместе с другими пришел и Юхарца с дочерью Чупалой. Старики древние — обоим лет полтора будет. Лица сморщенные, темные, рты беззубые, глаза выцвели.

Зашел старый на шитик, робко вслед за ним и Чупала. Низко кланяются, часто встряхивают седые головы, гнут разбитые спины.

— Хозяин...Миколай Гаврилович? — окрикает старый приехавшего купца.

— А! За покругу принес? — оборачивается тот, и слабое подобие улыбки скользит по скуластому, опухшему лицу. — Давай, давай...

— Покруга...это как же, Гаврильч! Покругу надо, надо! — торопливо говорит Юхарца, а в голосе его дребезжащем и в глазах мигающих трепещет беспокойство, какое-то недосказанное желание.

Но не слушает его Николай Гаврильч, не замечает стариковского замешательства. Берет он белку из рук Чупалы, быстро считает ее, привычным движением отбрасывает в темную груды белок. Некогда ему Долги собирает с тунгусов.

Знает это старый. Конечно, не надо мешать. Молча сходит с шитика, идет по берегу, садится на молодую травку и закуривает. Рядом с ним садится и Чупала. Тоже развязывает кисет. Тоже курит. Молча сидят оба и ждут. О чем-то думают, выпуская из беззубых ртов сизый дым. Щурят глаза, сплевывают, слюняво сосут трубки...

А Николай Гаврилович вместе с приказчиком Ларионом набивает белкой большие кули, зашивает их и складывает под брезенты.

Разошлись по берегу тунгусы, унесли с собою все, что нужно было, пьют где-то водку, поют однообразные песни и громко, с визгом ругаются матерными словами.

Снова подходит к шитику старый с дочерью. Нерешительно останавливаются перед Николаем Гавриловичем.

— Хозяин!...Миколай Гаврильч! — говорит он опять. — Маленький дела говорить хоч...

Смеются Николай Гаврилович с приказчиком: дело! Какое дело у старика такого? Промышленник он уже теперь плохой, сам ничего не добудет, за покругу и то сородичи насобирают. Какое дело?

Тихо подтверждает и Чупала:

* Печатается по книге: Исаак Гольдберг. Сладкая полынь. Повести, рассказы. — Иркутск, 1989.

— Деля сказать надо...деля!

Тогда перестает смеяться хозяин.

Важно выпячивает он нижнюю губу, грудь вперед выставляет.

— Говори дело-то! Да толком.

Обрадованно торопится старый сказать. Пугает привычные тунгусские слова с тяжелыми русскими, заикается, брызжет слюной:

— Шаманство мало-мало другой надо...Оксари вам хочю...Микола Годник...Мой шаманство совсем худой, совсем ничего не может...Твой ая-какун...всегда может...— Кончил старик. Все, что надо было, сказал, и нет больше слов.

Лицо Николая Гавриловича раскрывается в широкую улыбку. Нос вздрагивает — так хочется без удержу расхохотаться; кривится и Ларион, веселым смехом зажигаются его глаза. Но оба сдерживаются. Гладит рукою подбородок свой Николай Гаврилыч, вздымает глаза к небу.

— Да-а, — тянет он, — что правда, то правда. Николай-то Угódник почище твоего шамана будет...Это верно...Да, понадежнее!..

Радостно кивают старые головы: ах, верно! Ах, верно говорит Гаврилыч!..

— Только совсем ли ты готов принять таинство крещения? — медленно и веско продолжает Николай Гаврилыч. — Приготовился ли ты, старик?

Никнут головами и Юхарца и Чупала.

Запинаясь, отвечает старый:

— Будто готовился, хозяин...Мало-мало белка есть. Бунта два будет, а то и больше...

Горят и переливаются искорки в глазах купца и приказчика. Уже не смех ползет по лицам их. Щурятся веки, и губы складываются, точно глотают.

— Ага! — удовлетворенно мотает головой Николай Гаврилыч. — Что же, креститься можно. Вполне даже можно.

Радостной надеждой оживает лицо старика. Придвигается он ближе к купцу, дышит на него запекшимся ртом.

— Крести, Гаврилыч, ах! Крести, пожалста!..

И точно заученное, упорно заученное тянет за ним Чупала:

— Крести, пожалста...Крести...

...Желтые старые тела. Сбежалась и отвисает ненужными складками иссохшая кожа на выступивших угловатых костях. Зябнут старые тела в холодной весенней воде. Но покорно склонились головы. Глаза глядятся в зыбкую воду и следят за изломленными чьими-то лицами там, внизу.

Над нагими, погружившимися в воду стариками на самом краю берега стоит Николай Гаврилыч и читает «Отче наш». Рядом — приказчик Ларион с зажженной стеариновой свечкой в руках испуганно крестится и шепчет беззвучно молитву. А немного в стороне маленькая кучка пьяных тунгусов. Глядят они на стариков, на Лариона, и в их глазах отражаются отсветы стеариновой свечи, трепетные отсветы...

Кончил Николай Гаврилыч молитву.

— Вот, конечно! Выходи, — коротко командует он.

Покорно выходят старые на берег, отряхиваются, жмутся, дрожат. Но спохватился Николай Гаврилыч: он забыл что-то.

— Годите!.. Имена-то вам другие нужно дать... — Задумывается он ненадолго. Толстые морщины селятся удержаться на лоснящемся лбу. — Ну вот... ты теперь будешь Псоем, а ты Неонилла...

Подходит приказчик Ларион, подает два медных крестика... Ласково обхватывают гарусные гайтаны старые жилистые шеи.

Одеваются старые. Меж собой о чем-то говорят. Оправляют на груди холодящие тело кресты.

Отдали белку Николаю Гаврилычу. За крещение. Смотрят, учатся, как нужно крестное знамение творить. Непослушные пальцы неуклюже складываются в щепоть. Рука прыгает по лбу, по плечам, по животу...

...Отъезжая с шитиком обратно домой, Ларион конфузливо говорит хозяину:

— Как бы, Миколай Гаврилыч, тово... греха не вышло от духовенства?..

Долгим взглядом окинул его хозяин с ног до головы, взглядом, в котором отчетливо, без слов начертано: «Молод, несмышлениш!..»

II

Ревет и трещит осенняя гроза. Носится буйно грозовой ветер по тайге. Мгновенным пожаром зажигает молния лес. Шумит крупный дождь, бьет о бересту чума, ручьями скатываясь на землю. И жадно впитывается ею, еще не согретой, еще помнящей пленение зимней стужи.

Против Юхарцы в полутемном чуме сидит Николай-тунгус. Молчит старый и слушает долгую речь молодого. Голову опустил старый: точно учит его Николай-тунгус, молодой Николай.

— Обманул, обманул Гаврилыч!.. Как же. Крестить разве так нужно? Эхе-хе... Попа нужно — шамана русского: шамаск на нем весь золотой — так и горит... Волосы долги, крест большой в руках, укладна больше будет, тоже блестит... Песни петь должен поп-то долго-долго... Вот как!.. Тогда хорошо... А Миколай Гаврилыч обманул... совсем обманул!

Складываются в старой голове громкие слова, в понятную мысль складываются: «Верно, обманул, обманул».

— Мазать голову нужно... — не останавливается Николай-тунгус. — Пахнет хорошо, чем мажут-то... Вот как!.. Чашкой медной на цепочках качать во все стороны: и на солнце, и позадь себя, и по обе руки... Огонь жечь в чашке да серу вкусную сыпать на него... Вот как... вот креститься нужно как!..

Горит ярче, все ярче горит обидная мысль: «Обманул, совсем обманул!»

И в темном углу чума, за инмоками* и потакуями, за оленьей постелью копошится Чупала и тянет плаксиво:

— Обманул!..

*Инмок - сума.

Свернулся на постели старый Юхарца, голову от огня отвернул в темноту. Слышит он вздохи Чупалы и кипит злобой. Болью и обидой ударил по сердцу обман Гаврильича. Болью и обидой. И белки даром пропали, и к русскому богу не перешел...

Слышит грохот и вой грозы. И не знает старый, кто это гневается, — шаманские духи или русский бог, Микола Угодник? И за что гневается?.. И не знает старый, кто огонь сверкающий посылает сверху, чтоб покарать старую голову?.. Страх заползает в потревоженную душу.

Чего бояться? Разве впервые гроза весной приходит? Разве погас огонь и нет вокруг покатых стен чума?.. Но непонятный страх вползает в душу.

И в отчаянии пытается старый Юхарца вспомнить шаманские заклинания, пугающие злых духов... И оградить себя от страха крестом. И неумело крестится старый иссохшей, трясущейся рукой...

Свернулся Юхарца в комок... А старые кости плохо гнутся. Весь обвеван он страхом. Большим страхом. Большой обидой...

III

Поит водкой Николай Гаврилыч отца Митрофана. Каждый год так заведено — попа угощать. Уже много выпили оба. Красные глаза осоловели.

Вдруг хохочет Николай Гаврилыч. Вспомнил что-то. Смешное, должно быть.

— Бать, а бать!.. — окликает он пошатывающегося батюшку. — Послухай... а я ведь заместо тебя тунгусов окрестил. Ей-богу!.. Ха-ха-ха!..

Смеется отец Митрофан. Трясется черная борода, прыгают волосы со лба на глаза, с глаз на уши.

— Здорово!.. Ты, брат, этак и харч мой весь отобьешь! — Смеясь, слушает отец Митрофан. Только изредка одобрительно басит: — Ловко, ловко, брат!.. Ай да Николай Креститель!..

Толпятся в избе крестьяне. Тоже слушают: занятно Гаврилыч рассказывает; тоже смеются.

Выходит из толпы мужичонка. Совсем паршивый мужичонка: борода в ключьях, одежонка изодрана. Пьяный. Только глаза блестят не по-пьяному. Выходит и матерным словом, большим матерным словом бросает и в попа и в Гаврилыча.

А потом уходит из избы.

СТАРЫЙ ЧУМ

О старый чум, застывший на пригорке,
За что упрек тебе я бросил горький?
Что ты плохого в жизни сделал мне,
Мой старый чум на речке Суринне?
Да, ты убог, покрыт корою драной,
И дыры на тебе зияют, словно раны,
Вот в щели ветер залетел стремглав,
Остывший пепел в чуме разметав.
А я, твой сын, все меряю дороги.
Мне б появиться на твоём пороге,
Мне бы надрать корья иль бересты,
Чтоб с каждым годом обновлялся ты.
Ты ль виноват, что вот стоишь, как нищий?
У дедов лучше не было жилища.
Чуть разговор о прошлом, чум родной,
Готов я насмеяться над тобой.
Но время незаметно пролетает,
Снег на висках, он больше не растает,
И долгими ночами снятся мне
Мой старый чум и речка Суринне.
Ты был хорошим, старым, добрым другом,
В обиду не давал смертельным вьюгам.
Я, лишь окрепли крылья за спиной,
Ушел дорогой светлой и прямой.
И знаю: будут ветры дуть навстречу,
И горести навалятся на плечи,
И радость прозвенит в душе моей,
Но ты мне с каждым годом все милей.
И, видно, вечно на земле так будет:
К покою не стремящиеся люди
Родные чумы будут покидать,
Чтобы по ним в разлуке тосковать.

*Печатается по сборнику: Алитет Немтушкин. Мои кóстры. Стихотворения, поэма. — Красноярск, 1985. Перевод З.Яхнина.

ОДЁРА**

Соберёмся в круг,
охотники,
соберёмся,
как гуси осенью
собираются
у подножия горы.
Под свист их крыльев
у закатного солнца
для нашей одёры
зажжем костры.
Пусть песня будит
молчанье гор,
танцуйте дружнее!
Одёр, одёр...

Пойте громче. В руке
рука,
пусть груба на них
от морозов кожа,
слушай нас,
древняя наша тайга,
звери и птицы,
слушайте тоже.

Мы стали друзьями
с извечных пор,
танцуйте ж смелее!
Гасор, гасор...
Пойте громче.
Нас заглушить
не смогут ветра,
хоть и валят кедр они
в непогоде,
и ливням костры наши
не затушить —
мы сильны в работе
и в хороводе.
Пусть будет прославлено
ружьё твоё
и топор,
танцуйте радостней!
Одёр, одёр...

*Печатается по сборнику стихов «Олены тропы». Пер. А.Щитова. Улан-Удэ, 1979.

**Одёра — круговой танец

Пойте громче.
Пусть веселье наше
разносит тайга,
мороз не проймёт наши
оленьи шубы.
Наши руки крепки,
как осенью у изюбра рога,
наши голоса мужественны
и грубы.
Пусть дышит молодостью
таёжный простор,
танцуйте дружнее!
Гасор, гасор...

МОЙ КРАЙ

Пурга не смолкает
и ночь и день,
но я арканю оленя
и вскоре,
словно в сказках
лихой Бэркэн,*
орлом улетаю
в горы.
С горами я в старых друзьях
давно,
и повод на них обижаться
шаток —
не от зазнайства
при встречах со мной
они не снимают
тяжелых шапок.
А ветер свистит...
и с вершины к реке
я мчусь, как когда-то
Гарла** за невестой.
И весело мне
на таком сквозняке,
и жить хорошо
на таком вот месте!

*Бэркэн — герй эпоса.

**Гарла — сказочный герой.

НАНДАРКАН

Нандаркан — по русски
«холодный».
Это место, где в детстве
стоял мой чум.
Мыслями к нему возвращаясь
сегодня,
Я очень многое вспомнить
хочу.
Я хочу вспомнить высокие,
снежные горы,
Хитрого соболя вспомнить
след,
Воду реки ледяной,
которой
Очень быстро бывал
согрет.
Жили когда-то здесь
киндигиры,
Брали себе
из чальчигиров жён.
Род киндигров
и род чальчигиров...
Помнят о вас
с далёких времен.
Недаром и я
чальчигирку в жёны
взял себе,
лишь пришла пора,
и, как раньше,
костёр зажжём мы
и водим одёру
с ней до утра.
Только время, знаете,
сейчас другое,
прошлое память лишь
колышет мою,
и парни с девушками
за ледяной рекою
в светлом клубе
песни поют.

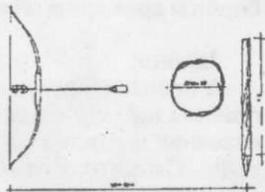
**ЭВЕНКИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ИГРЫ*
ЭВЭДЫЛ ГОКЧАНКИТ**



Бэркэкит

Стрельба из лука

Изготавливаются луки и стрелы, а также макет мишени. Играющие соревнуются в стрельбе на меткость попадания, с определенного расстояния, и дальность попадания с меняющегося расстояния до цели. Это одна из древнейших игр эвенков.



Нги учагин энгэситмэр?

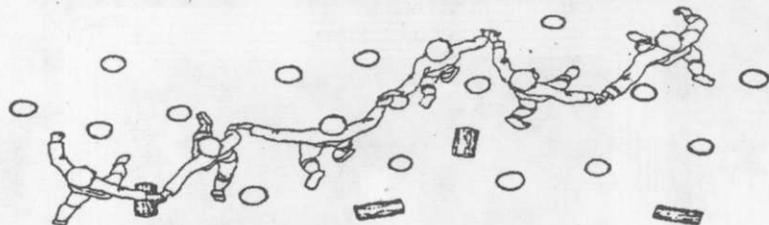
У кого сильнее верховой олень?

В игре участвуют два сильных мальчика, изображающих верховых оленей — «учагов». На них верхом, на спине, сидят два мальчика поменьше — ездоки. По команде судьи ездоки стараются стянуть руками друг друга с «учагов». Побеждает тот, кто сделает это первым. Одновременно могут состязаться несколько пар.

Мэт, мэт, мэт...

Бойся дерева

В большой комнате или во дворе в два ряда, на расстоянии 2–3 шагов, расставлены чурки — это «лес». Играющие делятся на две равные команды. В каждой команде выделяется ведущий — «оленеводец», остальные — «олени». По команде судьи каждый «оленеводец» со своим караваном «оленей» быстро проходит зигзагами сквозь ряды чурок, стараясь при этом не уронить ни одной чурки. Каждый ведущий совершает свой путь по несколько раз. Выигрывает та команда, которая меньше уронит чурок.



*Собрал И.Т. Удыгир. Художник С.Г. Салаткин

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГОЛОВОЛОМКИ

Ель и лыжи

Эвенки изготавливают лыжи, особенно покрытые камусом — шкурой с ног оленя или лося, из еловой древесины. При этом выбирается ель с меньшим числом сучков, растущая на высоком месте (хребте). Желательно, чтобы дерево росло с небольшим наклоном. Ответьте: с какой части дерева, с той стороны, куда наклонено дерево, или с противоположной, берётся древесина на лыжи? Дайте этому своё объяснение.

Щенок

У эвенков в результате векового опыта накоплены разнообразные приёмы выбора щенков, существуют многочисленные специальные названия щенков в зависимости от их потенциальных физических качеств. Скажите: какой физический признак, присущий щенку, свидетельствует о выносливости в будущем собаки?

Соболь и еловый сучок

Соболь ведёт образ жизни в зависимости от погодных условий. Эвенки-охотники накопили многочисленные приметы, указывающие на то или иное изменение погоды. Среди этих примет есть и наблюдения зимой над звуком щелчка елового сучка на морозе. Скажите: каким образом можно связать щелчок елового сучка и поведение соболя?

Ответы на этнографические головоломки из № 1 (3), 1998:

Душа: По учению Фомы Аквинского, дух жизни обретается в человеческом сердце, природный дух — в мозге человека и дух душевный — в желудке.

Святой Георгий: Георгий-победоносец на Руси назывался Юрием; отсюда идёт выражение «Юрьев день» — день, когда крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому.

Женщина замужняя: Замужняя женщина-бурятка должна обязательно носить шапочку и жилетку-безрукавку.





JTB 98

